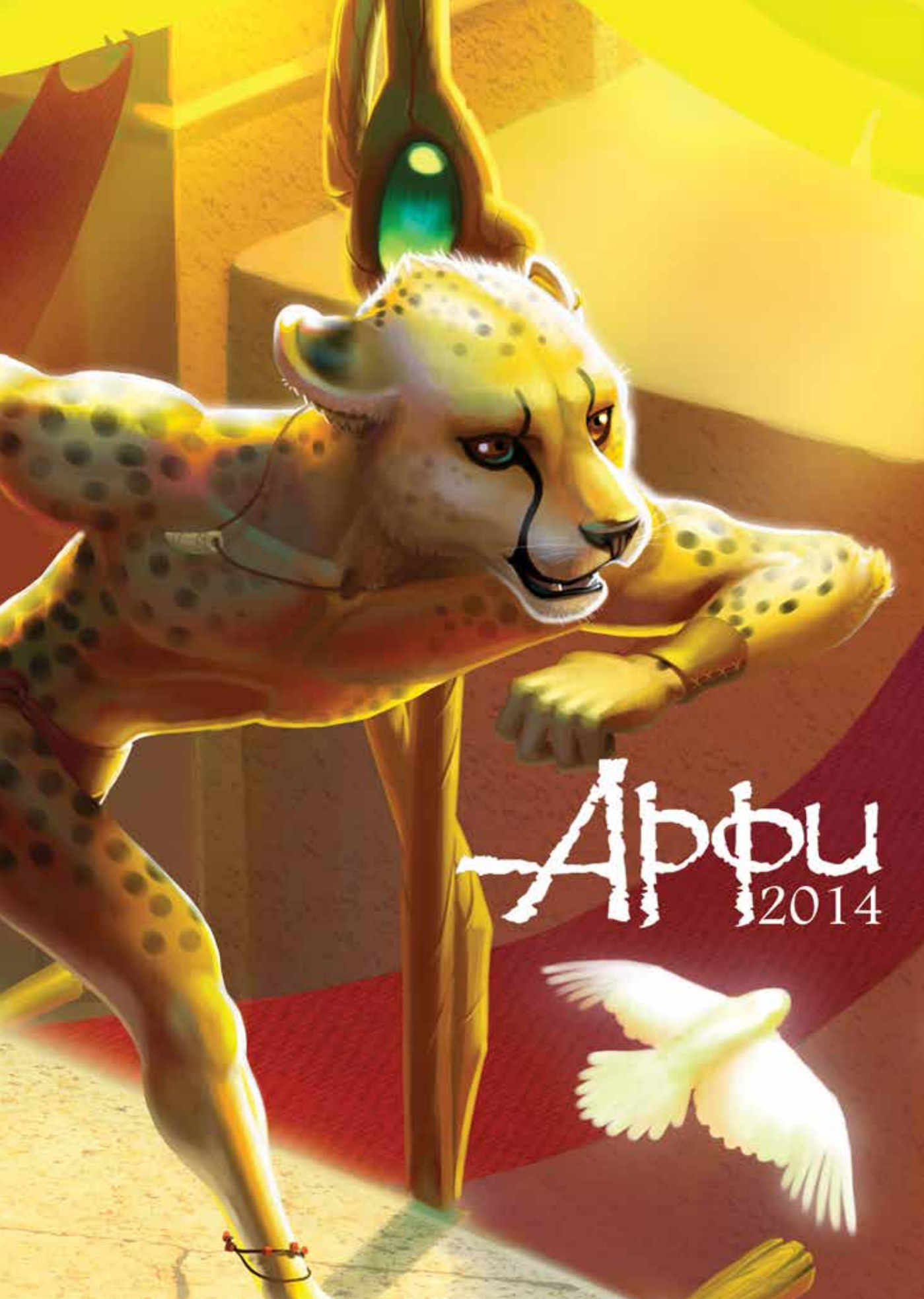
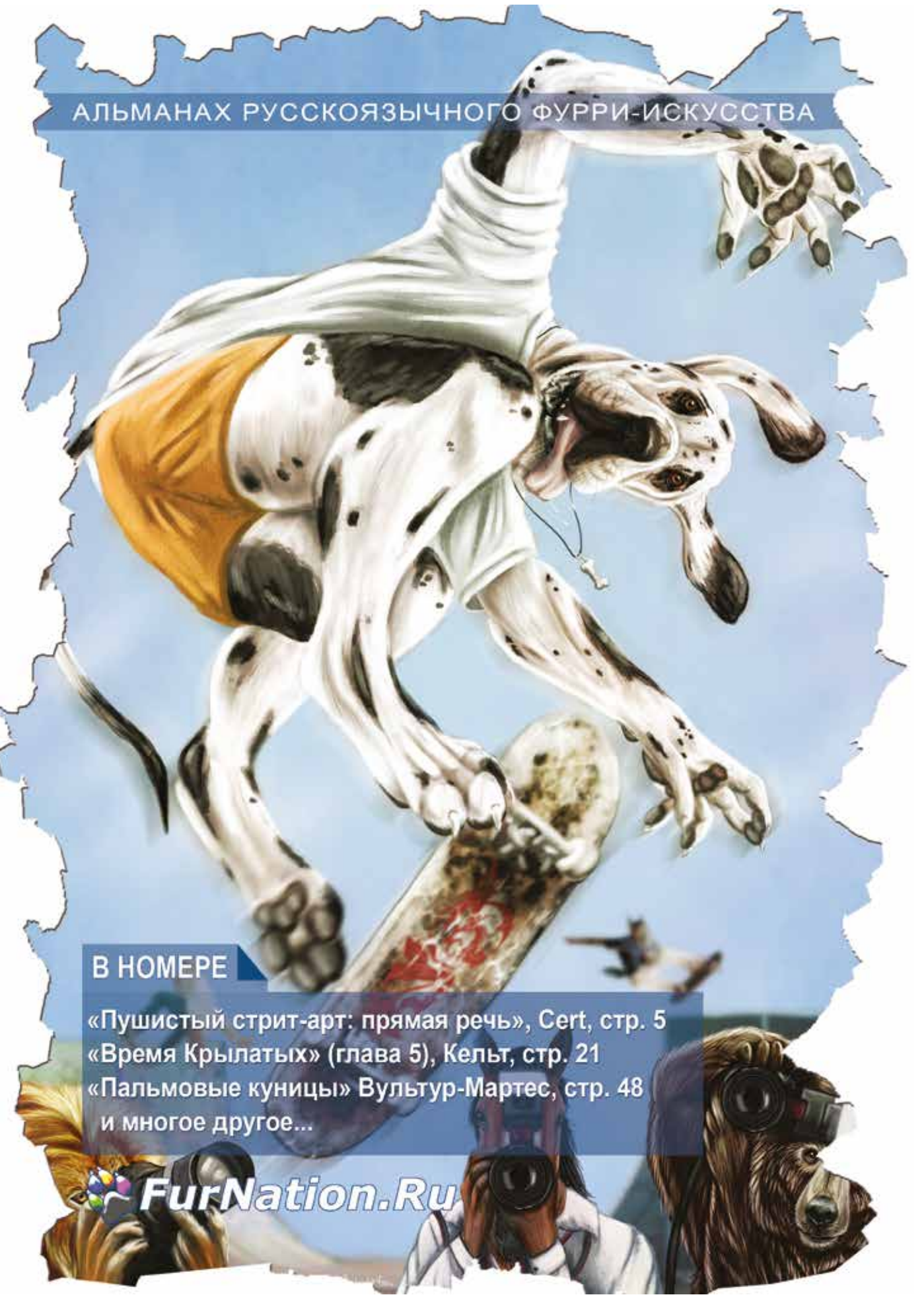

Арфи
2014

АЛЬМАНАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ФУРРИ-ИСКУССТВА



В НОМЕРЕ

«Пушистый стрит-арт: прямая речь», Cert, стр. 5
«Время Крылатых» (глава 5), Кельт, стр. 21
«Пальмовые куницы» Вультур-Мартес, стр. 48
и многое другое...

FurNation.Ru

Оглавление

Статьи

Пушистый стрит-арт (Cert и SilvergriN) 5

Художественные конкурсы на Фурнейшн (Kitsune по заказу редакции АРФИ) 7

Поэзия и проза

Al1ve

«Сачи, милая моя..» 17

«Я люблю тебя всегда..» 17

Ана-Люсия Кортес

«Я ушел и не думал тебя позвать...» 15

Кельт

Время Крылатых 21

Мантс

«Серебрит чешую лунный свет...» 30

«Выбирая пути, мы навек закрываем другие...» 30

«Засеребрилась шерсть от водной пыли...» 31

«Так забавно встречать себя...» 31

«Осенние дожди дают успокоенье...» 32

«Я прилечу на крыльях ветра...» 32

Скайли

Спасение 34

Жемчужина Посейдона 35

Вадим Одинцов

Темнота 46

Игра 47

Нерешительным 47

Вультур-Мартес

Пальмовые куницы 48

Художники

AnsticeWolf

Feel like a monster (рис.) 4

Berserker (рис.) 19

Nys (рис.) 20

Azany

Нашествие оборотней (коммишн для Axomander) 27

Imanika

Кар Чёрный (коммишн) 39

Noct

Wooffs into Planes (мини-комикс) 32

Orphen Sirius

Tameiki and Rait (коммишн) 42

Тамеики Широ (рис.) 47

Райт (рис.) 47

Silverbloodwolf98

XDN and the Sky (коммишн) 16

Авторы работ, размещенных в статье «Художественные конкурсы на Фурнейшн» (в порядке следования):

Latifu 7

Alex Fox 7

Kivuli 8

Sauron 9

Kivuli 10

Corpse Dragon 10

Валюта 11

Умха 12

Milez 13

Akineza 14

Araivis Edelveys 14

Sary Dragon 15

Контактные e-mail авторов и редакции АРФИ ***51***

Создатели журнала и авторы иллюстраций ***51***

Внутренняя обложка: «Let's skate» by AnsticeWolf

От редакции

Привет всем пушистым и чешуйчатым читателям!

В этом году мы не станем делать длинных вступлений, чтобы оставить побольше места для статей и произведений 2014-го года. За прошедший год мы создали несколько интересных проектов, а ещё больше осталось не реализованным. Результаты нашей работы вы можете увидеть в FurryStuff, MRFF и АРФИ. Наши любимые пушистые авторы тоже не сидели без дела и отправили нам новые произведения.

Среди них можно выделить продолжение куничных историй Вультур-Мартеса, новые стихи от Мантса, ещё одну главу саги «Время Крылатых» от Кельта и многое другое. Также мы подготовили несколько статей: про пушистый стрит-арт и художественные конкурсы, проходившие за последние годы на сайте Furnation.ru.

Приглашаем всех посмотреть на другие проекты нашей команды – набор уникальных предметов FurryStuff, который в наступающем году подарит своим участникам ещё больше новых пушистых сюрпризов, а также музыкальный проект Musical Russian Furry Foundation (MRFF), диск которого идёт в комплекте с выпуском АРФИ. А ещё обязательно посетите магазин фурри-предметов на FurryStuff.ru.

Все произведения, которые не поместились в печатный выпуск, размещены на диске MRFF этого года.

На диске MRFF

Приложение к журналу АРФИ 2014

Ана-Люсия Кортес
Стихотворения

Bagir
«Ночами надо спать...»

Focco
Фотостудия (18+)

LUS
Я и Мама (рисунок)

Мантс
Стихотворения

Скайли
Жемчужина Посейдона (полная версия 18+)

Широ Окойо
Элиза, дочь куницы Эльза

Музыка

Музыканты и количество треков:

GreatFox (5)
Ankor_wolf (1)
Aspeel_RaraAvis (4)
Blackwervolk (17)
Coagmentum (8)
DUKE_ANGULIAN (2)
FoxAvril (3)
Jackallos (1)
LexXxy Nickson (6)
Richard N. Diego (1)
Veemie (4)

На CD-диске можно найти музыкальные треки указанных авторов, а также художественные и литературные работы, которые не поместились в выпуск этого года.

Статьи

Пушистый стрит-арт

Авторы текста, фотографий и работ: Cert и SilvergriN
vk.com/cert_j

Осень. Руины заброшенной очистной станции недалеко от города. Две любопытные души и два баллончика краски. Скромный набор, но этого достаточно, чтобы на серых стенах мрачного заброса появился неожиданный гость. Чёрно-белый сергал в профиль. Наш первый эксперимент с непривычными инструментами и железобетонным холстом. Почему сергал? Ровно потому же, почему и на стене – так захотелось. И это одна из важнейших составляющих для художественного граффити – энтузиазм. На улице не всегда солнечно, а если

и солнечно, то временами ощутимо холодно. Работа грязная, аэрозоль оседает на одежде, взвесь попадает в дыхательные пути, если пренебрегать респиратором, а резиновые перчатки приобретают сюрреалистичную расцветку и спустя несколько рисунков покрываются коркой краски толще, чем броня французских танков. А в городской среде и вовсе лучше работать ночью, так как реакция аборигенов совершенно непредсказуема. Тут может встретиться и пенсионер с повышенной социальной ответственностью, и подвыпившая группа студентов с чёрного континента, продолжительно и с характерной эмоциональностью восхищающихся новым ярким персонажем на доселе неприметной стене. Но в среднем по больнице реакция наблюдается положительная. Ярче всего, конечно, реагируют две категории граждан – это дети и пьяные. Категории, печально знакомые также всем сьютерам за своё неудержное внимание и неумение его проявлять.

В железобетонной галерее действует железное правило: чем более посещаемое место, тем короче жизнь рисунка. Количество просмотров словно зафиксировано. Если это заброшенный бункер на полигоне, где в год проходит всего несколько ролевых игр да дюжина

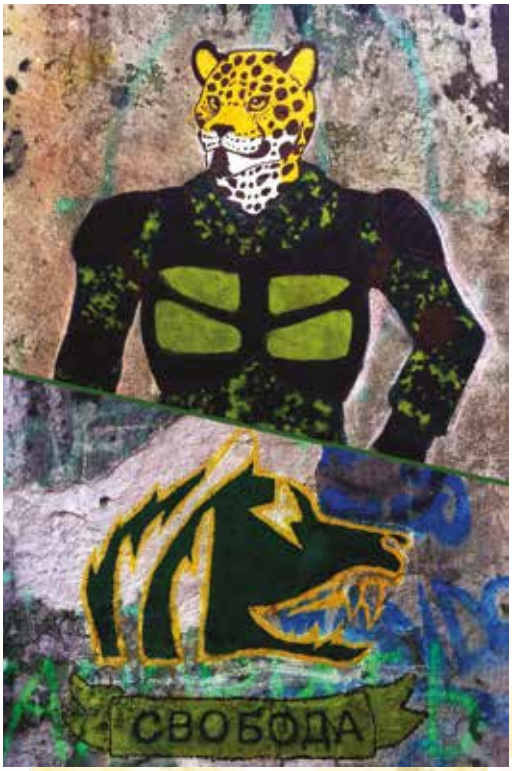
грибников, то рисунок будет жить там долгие годы до своей естественной кончины от природных факторов. Но если это оживлённая обочина или функционирующее здание, то смерть в образе сторожа с ведром краски не заставит себя долго ждать. Такова обратная зависимость.

Сергалы встречаются в нашем творчестве чаще прочих. Причина тому – широкий диапазон их расцветок и наличие ярких оттенков. Эффектность рисунка на стене зависит от яркости красок, поэтому чем ярче персонаж, тем охотней его рисуем. Яркие цвета имеют странные названия, запомнилось название ядовито-фиолетового: «taknado». Вопрос «почему?» отпал сам собой.

С течением времени начала нарабатываться техника, выработалось взаимодействие между Сильвер, умеющей рисовать круто, и мной, умеющим рисовать совсем не круто. Таким образом, каждую работу можно считать коллабом – скетч и лайн от Сильвер, покраска от Серта. Предстоит освоить ещё много приёмов и инструментов, подчас недешёвых, но главное – бросать идею никто не собирается.

Как бы здорово вы ни творили стрит-арт, вам всё равно не избежать сравнения с легендарным Бэнкси. Как бы круто ни рисовали фурри-арт, у Блотчей всё равно будет круче. Но на стыке этих направлений творчества, насколько знаю, ещё не трудился никто. Потому данный недолгий отрезок времени можно скромно считать себя лучшим автором фурри-граффити. Недолгий потому, что, надеюсь, со временем в этом хобби проявят себя и более профессиональные фурри-художники.

А это будет интересно!



Художественные конкурсы на Фурнейшн

Автор: Kitsune (по заказу редакции АРФИ)

Конкурс гепардов от Wind Spirit

Наверное, самым первым глобальным конкурсом на ФН стал конкурс рисунков от Wind Spirit, целиком посвящённый гепардам. Стартовав в 2010 году, этот конкурс привлёк большое количество начинающих художников, многие из которых впоследствии стали очень известны в фурри-среде. Гепарды – звери сами по себе пушистые и привлекательные, поэтому рисунки с ними как нельзя лучше подошли под тематику сайта. На призовой фонд конкурса, составляющий 12000 рублей (к концу конкурса сумма была увеличена до 16000), нацелились сразу 14 художников. На 14 рисунках от этих художников нашлось место всем: и реалистичным фералам, и прямоходящим антропоморфам. Тем не менее, из всего этого пушисто-пятнистого великолепия пришлось выбрать всего трёх победителей.

WolfRoad: Это был, наверное, первый конкурс, в котором я участвовала. Вообще, всё довольно просто: подавляющее большинство конкурсов устраивается а) с дурацкой темой, б) дурацкими персонажами, в) призами, в которых я не заинтересована. В нашем же случае всех «против» не было. Тема была более чем свободной, и это позволяло выдумать что-то, не ограничиваясь никакими рамками, помечтать. Даже забив на «банк», можно было вволю потренироваться над рисованием больших кошек, которых я рисую редко.

Художественный стиль WolfRoad всегда отличался максимально детализированной прорисовкой шерсти. Вот и сейчас, «гепард под дождём» этой художницы принёс ей третье место и приз в 2000 рублей.

Второе место поделили участники Kuroi и Latifu. Очевидно, оба их рисунка настолько понравились организатору, что он решил «подарить» каждому из них по 4000 рублей, полагающихся за второе место. Рисунок Latifu был ещё одним рисунком с детальной прорисованной шерстью, как у WolfRoad, а работа Kuroi стала, вне всяких сомнений, лучшим конкурсным рисунком с антропоморфом.

Победительницей же стала художница Kivuli. Её гепард, нарисованный в нехарактерном для

гепардов лесном пейзаже, получил главный приз в 6000 рублей. Без сомнения, эта работа заняла первое место вполне заслуженно, так как по уровню профессионализма и реалистичности далеко обогнала все остальные.

Kivuli: При работе над картиной пришлось немало посидеть над анатомией, особенно когда допустила одну небольшую, но заметную и сложноисправляемую ошибку в пропорциях. Впрочем, в целом работа шла достаточно легко и быстро.

Среди остальных работ наибольшей оригинальностью отличился чёрно-белый рисунок LynxGirl. На нём изображено... целых 15 маленьких гепардят, от большого количества пятен которых начинает рябить в глазах! Большинство конкурсных рисунков выполнено в реалистичном стиле. Талантливых авторов, не занявших призовые места (Alex fox, Yojek), хочется поблагодарить за большую работу, которую они проделали, чтобы сделать гепардов на своих рисунках максимально похожими на настоящих. Встречаются работы и в более абстрактном стиле (Kriska). Подобное разнообразие пошло на пользу и конкурсу, и абстрактному стилю в целом, имеющему своих поклонников.

Latifu: Это лучший конкурс, в котором я участвовала, не знаю даже, что ещё добавить.

Конкурс вещей от Wind Spirit

Конкурс Wind Spirit был не единственным конкурсом, посвящённым гепардам (что ни говори, любят этих зверей на ФН). Ровно через полгода стартовал ещё один, более грандиозный гепардий конкурс вещей.

Самым масштабным конкурсом, когда-либо проводившимся ФН, стал конкурс вещей от Wind Spirit. Участникам предлагалось сделать фигурку или любую другую поделку с изображением гепарда. Призовой фонд конкурса составил огромную для таких мероприятий сумму – пятьдесят тысяч рублей (впоследствии

сумма была увеличена до семидесяти тысяч). Стартовав в сентябре 2011 года, конкурс растянулся на добрые 18 месяцев, завершившись в марте 2013. Но, несмотря на долгий срок, дело того стоило. Контроль качества был довольно строгим (организатор оставил за собой право отменить первое место в случае, если работы будут посредственными), однако, участники не побоялись высоко поставленной планки и предоставили к моменту окончания конкурса десять готовых работ.

Kivuli: Я стараюсь участвовать во всех грамотно организованных конкурсах с адекватным призовым фондом. Даже если они меня не сильно цепляют тематикой, или нет сил/времени, чтоб сделать способную выйти в призёры работу. Так что гепардовые конкурсы не были какими-то исключительными в этом плане.

Девять фигурок гепардов и одна гравировка на стеклянном стакане – таков итог конкурса. Среди работ были поделки из разных материалов, но наибольшее внимание организатора и

зрителей привлекли глиняные фигурки и скульптурки.

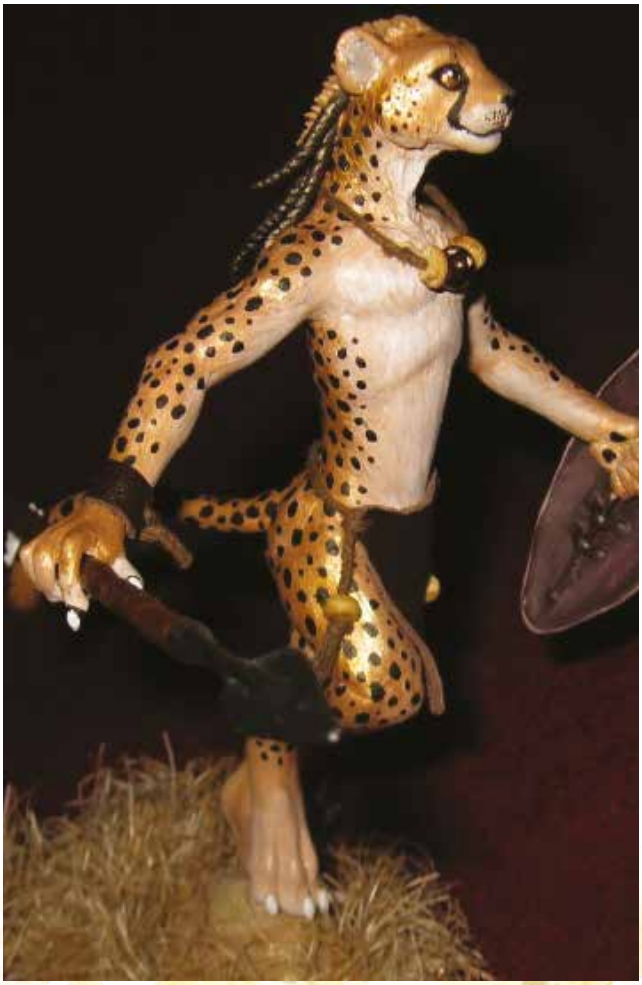
Kosh: В данном случае работа над моей скульптуркой «Цветок и гепард» далась очень легко, поскольку получилось очень спонтанно и под вдохновение.

Четвёртое место и приз в 3000 рублей получил Kosh. Третье место заняла Sauron. Её раскрашенный гепардами шар с гордо восседающей на нём фигуркой (тоже гепарда) принёс своей создательнице 9000 рублей. Эта работа стала самой оригинальной из всех: красный шар со множеством гепардов в разных позах напоминал глобус, а фигурка, венчающая его, дополняла это великолепие.

Sauron: Энтузиазма потребовалось больше, чем обычно. К середине стадии покраски он кончился, и пришлось всё доделывать только из упрямства. Времени тоже ушло больше обычного. И лапы болели от разминания такого количества цернита. А в остальном – работа как работа.

Второе место взяла Kivuli (13000 рублей), а первое место досталось Corpse_Dragon (25000 рублей). Работа Corpse_Dragon была единственной фигуркой антропоморфного гепарда, причём выполненной довольно качественно. Быть может, поэтому она заняла первое место. В целом конкурс удался, и каждый из участников смог продемонстрировать ФН свой уровень владения скульптурой. Никто не ушёл без вознаграждения, даже не попавшие в четвёрку победителей конкурсанты получили поощрительные призы (по 1000 рублей каждому) за участие.

Kivuli: Интересных и «не халявных» конкурсов мало, такие конкурсы выделяются из общей массы «нарисуйте мне много шедевров за 100 рублей». А поскольку их мало, обычно бывает возможность поучаствовать. Их интересно и наблюдать, потому что под конец там



собирается немало классных работ. Желание не ударить в грязь лицом выводят многих участников на уровень выше, показывают их реальный уровень мастерства и возможный потенциал. Конечно, хотелось бы побольше именно таких хороших конкурсов, но понятно, что именно они всё-таки будут редкостью.

Конкурс от Соболя

Обычно художественные конкурсы предлагают участникам нарисовать персонажа, которого они видели на иллюстрациях или в видеоиграх. В этом плане конкурс Соболя стал исключением, так как поставил перед конкурсантами задачу нарисовать персонажа, про которого они читали, а не которого видели. Сам конкурс был посвящён поэме Шекспира «Феникс и голубка». Также участники могли нарисовать иллюстрацию по другой поэме — «Птичий парламент». Достойный призовой фонд (16000 рублей) привлёк достаточное количество художников, сумевших нарисовать для конкурса много качественных работ. 11 участников и 13 иллюстраций — таков итог конкурса, стартовавшего в декабре 2013 года и завершившегося 23 апреля 2014-го, аккурат к знаменательной дате — дню рождения Шекспира.

Умха: Соболь упоминал о возможном конкурсе за несколько месяцев до него, и, зная Соболя, можно было ожидать чего-то необычного. Так и получилось — необходимость превратить отстранённые, чеканные строки про идеальное явление в историю двух живых птиц, но с налётом полагающейся каменной вечности... скажем так, это действительно был вызов. В отличие от свободных тем вида «нарисуйте что-то интересное про леопардов» такие рамки предлагают выкручиваться, придумывать и интерпретировать на основе того, что уже есть (в данном случае – шекспировского текста), и, как задача с более жёсткими условиями, это привлекало больше.

Персонажи всех конкурсных работ были изображены в своём первозданном птичьем облике. Рисунков с антропоморфами не было. Лишь на одной иллюстрации (от Mor) мы увидели человеческие воплощения главных героев «Феникса и голубки». Подобное однообразие отнюдь не сделало конкурс хуже.

Zengel: Спустя несколько недель уже трудно сказать, насколько тяжело мне далась работа, конечно. Первый день у меня ушёл на подбор образа феникса, пересмотрела море вариантов изображений, изучала традиционные иллюстрации и узоры, пыталась придумать что-то своё, оригинальное. Позы я выбрала простые, так что с рисованием тел особых проблем не было, разве что с хвостом феникса. А вот над покраской я возилась долго, хотела сделать в псевдо-традиционном стиле, ярко, но при этом нежно. К сожалению, я не знала, что на конкурс дадут дополнительное время, так бы и над фоном успела поработать, и покраску оформить получше.

Прежде чем ознакомить вас с победителями, хотелось бы отметить участника FurryTiger, проделавшего для конкурса самую большую работу. Он нарисовал целых три рисунка: два по «Фениксу и голубке» и один по «Птичьему парламенту». Система распределения мест на конкурсе

этот конкурс. На мой взгляд, работы в целом получились интересными и разными. Побольше бы таких интересных конкурсов.

Все остальные художники (восемь человек) поделили третье место, получив по 1000 рублей из призового фонда, который к тому времени уже достиг 24000 рублей. Организатор конкурса Соболь остался очень доволен его результатами, отметив, что «у меня действительно получилось ощущение праздника». Посетителям ФН, участвовавшим в оценке работ, сложно было с этим не согласиться.

отличалась от привычной нам «один участник – одно место». Первое место заняла участница Умха (большинство посетителей ФН сочли её рисунок самым драматичным и атмосферным), второе поделили Kite и Kivuli. Их иллюстрации были выполнены на профессиональном уровне. Рисунок Kivuli стал самым глобальным в плане количества изображённых на нём персонажей, а рисунок Kite выделился своей оригинальностью (художница изобразила архитектурную мозаику с помощью акварели).

Kite: Думаю, что идея конкурса замечательна. Во-первых, лишний раз напоминает о чтении хорошей литературы. А во-вторых, даёт простор для фантазии, что и показал

Помимо этих, на ФН проводились и проводятся и другие конкурсы. Редакция АРФИ регулярно приглашает авторов поучаствовать как в бесплатных, так и оплачиваемых конкурсах для наших изданий, конбука и оформления Русфурренции, дизайна предметов и полиграфии FurryStuff и многого другого. В данной заметке мы упомянули не все конкурсы, о которых собрали информацию, т.к. её оказалось довольно много, а лишь те, в которых было больше всего участников. Ожидайте продолжения статьи. Выражаем благодарность Kitsune, который помог нам собрать материал и написал эту заметку.

Конкурс Селкера по The Elder Scrolls

Декабрь 2013 года встретил нас новым глобальным конкурсом, на этот раз посвящённым серии The Elder Scrolls. Организатором конкурса выступил Selker, который поставил перед потенциальными конкурсантами задачу нарисовать наиболее красочный рисунок с антропоморфными персонажами вселенной TES. Участники отлично справились с этим заданием, предоставив целых двадцать иллюстраций к моменту окончания приёма работ. Призовой фонд конкурса составил более десяти тысяч рублей, и побороться за право войти в первую тройку победителей решило немало художников.

Akineza: Меня заинтересовали тематика и призовой фонд. Хоть звучит и корыстно, но щедрое денежное вознаграждение сподвигает выложиться по полной.

Главными героями рисунков стали антропоморфные кошки – хаджиты. Не отставали от них и гладкокожие аргониане. На некоторых рисунках засветились и драконы, и даже даэдра. Несмотря на разочарование организатора по поводу обилия работ, посвящённых исключительно Скайриму, конкурс удался на славу. Ещё бы, ведь он стал одним из крупнейших конкурсов по TES среди русскоязычных фурри-художников.

Когда все работы были опубликованы,

началось голосование. Для голосования было набрано тайное жюри, обязанности которого сводились к оценке каждой из работ по десятибалльной шкале. Это стало удачным ходом, позволившим менее качественным, но более красочным рисункам выбиться в тройку победителей.

Volsung: Помню, что сделал набросков 6 или 7, один из них уже был на финальной стадии покраски, но в итоге всё это было забраковано. В голову приходили новые идеи, но реализовать их не получилось. В конце концов, утром последнего дня приёма работ я сел за комп и за 2-3 часа на одном дыхании сделал эту работу. Но в данном случае (с последней картинкой) всё шло достаточно бодро.

Как известно, ценность рисунка возрастает, если на нём изображено сразу несколько персонажей. Обладательница

третьего места Rache получила свой приз в 1500 рублей вполне заслуженно, ведь на её рисунке, выполненном в традиционном стиле, было изображено аж четыре персонажа: аргонианин, хаджит, стражник и дракон. Фаны TES без труда узнают в детально прорисованном пейзаже деревеньку Ривервуд.

Второе место и приз в 3000 рублей заняла Araivis Edelveys с её рисунком двух хаджиток и аргонианина, протягивающего кошечкам цветок. Внимательные поклонники аргониан сразу заметят, что рисунок является своеобразной перерисовкой уже существующей иллюстрации художника Mikaces, где аргонианин изображён в аналогичной позе и в той же одежде. Однако, это отнюдь не означает, что работа Аравис хуже. Наоборот, она является более качественной, усовершенствованной доработкой своего прототипа. Фанам аргониан было приятно увидеть старую работу Mikaces в новом переложении Аравис.

И, наконец, первое место получила работа Mor. Его рисунок завоевал симпатии жюри и принёс своему автору львиную долю призового фонда – 6000 рублей.

Среди других конкурсных работ хотелось бы отметить фантастический морровиндский пейзаж Dragonis. Хаджитка с мечом и причудливый гриб на заднем плане настолько понравились Selker'у, что он наградил художницу особым утешительным призом. Недавно Dragonis получила ещё один приз на другом конкурсе по TES (правда, меньшего масштаба), проведённом на сайте «Мир дигимонов». Таким образом она опровергла пословицу «за двумя зайцами...», получив призы сразу на двух конкурсах одинаковой тематики.

Dragonis: Я уже довольно-таки давно играю в игры из серии Elder Scrolls, лет эдак с 11-12. Тогда подруга дала мне поиграть диск с Обливионом. И меня реально втянуло. Затем вышел Скайрим, и я окончательно влюбилась в мир, где располагается маленький материк – Тамриэль. Именно по причине любви к Древним Свиткам я и заинтересовалась конкурсом. Как можно пропустить такую шикарнейшую тему? Да и внушительный призовой фонд просто предвещал изобилие прекрасных работ, что и воплотилось в жизнь. Я же, ни на что особо не надеясь, решила поучаствовать просто для себя.

Заслуживает внимания и рисунок Xartofering – полуобнажённой аргонианки в кружевном белье, изображённой на фоне типичного морровиндского городка. Как выразился организатор конкурса Selker, среди всех работ эта картинка стала «одной из самых атмосферных». Любуясь на плавные формы героини рисунка, с этим сложно не согласиться.

Стихи и проза

Al1ve
st3ve-o@rambler.ru
http://al1ve.furnation.ru/

***

Сачи, милая моя
Мне тоскливо без тебя
Если будешь пропадать
Буду тихо повторять
Сачи, милая вернись
Во сне, пожалуйста, приснись
Я скучаю по тебе
Надеюсь, думаешь обо мне

Моё маленькое счастье
Не хватает твоей страсти
Ласки, нежности, тепла
Чтобы крылышками обняла

Я люблю тебя, Сачи
Буду целовать тебя в ночи
Гладить мордочку твою
Ласкать твоё тело всю зарю

***

Я люблю тебя всегда
И не забуду никогда
Хочу признаться я в любви
Но не могу – душа молвит

И закричать не хватит сил
Ты со мною очень мил
Боюсь признаться в этом – пусть
Отчего во мне грусть

Боюсь ответа твоего
На признание моё
Люблю тебя – и никого не надо
Хочу побыть с тобою рядом

Обнимать тебя, прижаться
И никогда не расставаться...

Ана-Люсия Кортес

ryoga_aka_pi-chan@mail.ru
http://lucyblack.furnation.ru/

***

Я ушёл и не думал тебя позвать,
между нами ведь, милая, тишь да гладь,
ну, а мне бы хотелось наоборот,
я же просто бродячий кот.

Я ушёл, ты смотрела мне долго вслед,
всё ждала – оглянусь я иль всё же нет?
Я хотел оглянуться, да вот беда,
не уходят так навсегда.

Самому уходить было – волком вой.
Твоё сердце случайно унёс с собой
и, казалось бы, ноша та тяжела,
но и ты ведь моё взяла.

И тут мне бы вернуться, сказать – “прости,
я не должен был, солнце, назад пусти”,
и тем самым я мог избежать проблем,
но я кот, что ушёл совсем.

***

О нашей жизни не пишут книги
и не играют
печальных нот.
Нас просто-напросто не спросили
за чашкой чая –
“как жизнь-то, кот?
А ты там как поживаешь, кошка?
Прошли заботы
и новый стресс?”
Я бы сказала – прошли немножко,
но вот работа
как будто пресс,
на третий день уже давит, давит,
и этой жути
ещё дней семь.
Что ты б ответил – пока не знаю;
не знаю сути
твоих проблем.

Зачем нам думать, что бы ответить,
когда не спросит
никто о том?
Сыграет музыку сильный ветер,
мы будем спорить
хоть под дождём –
Что он поёт нам, какой там жанр,
и кто играет
такой мотив.
И растворимся в густом тумане,
не замечая,
как ветер стих.
И не заметит никто в округе,
как мы исчезли
под тем дождём,
и что нас больше нигде не будет.
Поём мы песни
в мирке своём.

AnsticeWolf 2014

Кельт
zebra555@mail.ru

Время Крылатых

Избранные главы первой части трилогии

5
Дань Углаю

Ночью, в главной галерее крепости Рамир – пустынно, холодно, одиноко.

Ночь выдалась ясной и морозной. Над дальними холмами висели шесть звёзд созвездия Беркута – знак окончательно вступившей в свои права осени. Деревянный настил покрылся изморозью и слегка поскрипывал под сапогами Рохома.

Поворот. Ступени. Теперь его путь лежал через узкий коридор внутри западной стены.

Рохом не любил это место. Узкое каменное горло заставляло невольно ускорить шаг.

Поворот. Ступени. Северная стена.

Рохом выглянул из бойницы полюбоваться на Беркута.

Яркие крупные звёзды висели в чёрном небе, прямо над верхушкой западной башни.

Вздохнув полной грудью, Рохом ещё немного постоял, провожая взглядом искрящиеся облачка своего дыхания и вернулся в галерею.

Снова ступени. Поворот.

Теперь ему следовало пройти открытой галереей западной стены до угловой башни.

Через десяток шагов, барс остановился и принюхался. Из башни заметно тянуло жареным мясом. Нос безошибочно привёл его к узкой неприметной двери. Рохом толкнул её копьём.

Он сидел на корточках перед наспех сложенным из камней очагом и поджаривал на железном листе тонкие полоски мяса, судя по запаху, вымоченные в луковом соусе.

Скрип дверных петель заставил его вздрогнуть и обернуться.

Ликаон поднял на вошедшего барса свою тяжёлую коническую морду.

– Колдун Урсаг из Чёрных Врат,
Творит злодейства и разврат!

Нараспев произнёс рябой. В чёрной пасти сверкнул впечатляющий набор зубов.

– Огонь и полночь,
Ветра вой,
Летучей мыши плоть…

– Ты зачем огонь в караулке развёл? – строго спросил «колдуна» Рохом. – Сейчас к Калеху отведу – будут тебе летучие мыши.

Барс наклонился к самодельной сковородке, принюхался.

– Так отнимут же! – развёл руками рябой. – Салакаш вчера отняли…

Пёс гордо распахнул линялую волчью хурку, показав барсу тощий в рыжих подпалинах, живот.

– Кто?

– Гудар, Бран, Ларик…

Рохом сочувственно покачал головой.

– Это Фархад тебя к гиенам поселил?

– Аргал.

Барс поддел остриём копья и перевернул начавший подрумяниваться ломоть.

– А ты под тюфяк всё самое ценное спрячь, – внезапно вспомнил Рохом наставления Перка. – Проверено! Не сопрут.

– Угу, – кивнул ликаон. – И мясо под тюфяком жарить?

Барс усмехнулся. Урсаг внимательно посмотрел на Рохома и сдержанно улыбнулся.

– Ладно, – барс выглянул в коридор и плотнее закрыл за собой дверь. – Зажарь для меня четыре куска, а я забуду, что ты хотел устроить пожар!

Ликаон с готовностью протянул Рохому свою миску.

Мясо оказалось приготовлено куда лучше, чем это делали местные повара. Очень скоро барс потребовал добавки, пообещав псу забыть его присутствие

в охраняемой галерее. К тому времени, как в бойницу заглянула бледная луна, от окорока остался лишь костяной обрубок с клочками мяса.

Сыто урча, ликаон убрал кость в мешок, досуха вылизал и миску, и сковороду, а затем поставил на угли закопчённый чайник.

– Так тебя Урсагом звать?

– Урх… – буркнул рябой, ковыряя в зубах когтем.

– Давно ты здесь?

– Третий год, – Урсаг достал из мешка большую глиняную кружку, придирчиво её осмотрел и протянул Рохому.

– А родом откуда? Из Хатра?

Ликаон хитро улыбнулся.

– Все так думают, – он поправил стоящий на углях чайник. – Местный.

Урсаг указал на стену за своей спиной.

– Меня ещё слепым щенком волкам подбросили. Род Драга. Посёлок возле перевала Чёрные Врата, знаешь? А в Хатре я и не был никогда…

– Ну а к Мигросу чего?

Пёс нахохлился и опустил уши.

– А ну их… – проворчал он и осторожно потрогал закопчённый бок чайника.

В караулке повисло напряжённое молчание, нарушаемое сиплым пением нагревающегося чайника и потрескиванием огня.

– Ну а тебе чего пятнистый наш наобещал?

– Ничего пока…

– Так не бывает, – отрезал ликаон. – Служить приходят, чтобы заиметь свою землю, безнаказанно ограбить чужую, спрятаться от мести или долга, и с горя, если девка бросила. Э-э! Я угадал?

– Ну…

– Угадал. По глазам вижу, – рябой хитро ухмылялся. – Расскажи.

– Нет, – Рохом отвернулся. Барс был уже не рад, что связался с псом. Ликаон же терпеливо ждал, не сводя с барса внимательных, светло-карих глаз.

Закипел чайник. Урсаг очнулся и торопливо снял его с огня. Вместо матара в кружку Рохома полилась мутная густая тёмно-коричневая жижа. Запахло шиповником.

– Ночь долгая, Рохом. Поделись с Урсагом. Урсаг останется нем, как могила. Расскажи, легче станет.

И тут Рохома будто прорвало. Рассказал он и об отце с матерью, и об одноглазом волке, и о Руте…

Урсаг слушал напряжённо и очень внимательно. Большие уши его слегка подрагивали, влажные чёрные ноздри взволнованно шевелились. Рябой почти не мигал, и от этого Рохому вначале сделалось неуютно, но к тому времени, как он закончил рассказ, что-то тяжёлое, холодное и влажное отпустило его сердце. Барс горько вздохнул и взял в ладони горячую кружку.

Ликаон же долго молчал, кивая своей конической мордой в такт мыслям.

– Четыре дня, говоришь… Ворон дохлый… – он угрюмо уставился на синие язычки пламени в рдеющих углях. – Сдаётся мне, плохо ты знал её, Рохом…

Бросив на Урсага взгляд исподлобья, Рохом поднялся на ноги, взял копьё и направился к двери.

– Хороший ты, Рох. Заглядывай ко мне. Дец Волчий Клык. Седьмой ярус, малый южный коридор, третья дверь слева…

Морозный воздух оказался как нельзя кстати. После стряпни Урсага барса немного клонило в сон. Широко зевнув, Рохом энергично потёр уши и толкнул ногой тяжёлую дверь, ведущую к западной башне. Факел, освещавший лестницу, что вела на смотровую площадку, видимо, задуло ветром. Впрочем, это не помешало барсу заметить грузную серую тень, метнувшуюся прочь от бойницы.

– Кто? – спросил Рохом. Ему не ответили.

– Кто?! – рыкнул Барс, и взял копьё наперевес. – А ну, выйди на свет!

Ниша под лестницей пробурчала что-то невразумительное.

– Перк? – насторожился Рохом.

– Ага, – вновь ответила ниша голосом медведя.

– Так выходи!

Рохом поднял фонарь.

В темноте шумно завозились. Затем,

в пятно света выплыла необъятная туша гризли.

– Ближе, я сказал! – барс начал злиться.

Прислонив копьё к стене, Рохом шагнул вперёд, схватил медведя за грудки, рывком притянул к себе и осветил фонарём.

Левый глаз гризли заплыл, правая щека была покрыта коркой запёкшейся крови, правый рукав салакаша отсутствовал.

Барс недоверчиво потянул носом.

– С такой рожей да трезвый…

– Знал бы, что так выйдет – выпил бы! – Перк отодвинул Рохома в сторону и устало опустился на ступеньку.

– Кто такая? Зовут как? – заинтересовался барс.

– А, не знаю, Рох. С юга вроде, здоровая, бурая… не помню как называется… нильгу… нильге…

– Нильгау.

От неожиданности Рохом едва не уронил фонарь, а гризли чуть не загремел с лестницы.

Бесшумно выплывший из темноты Фархад сдвинул на затылок капюшон своего чёрного вязаного салакаша.

– Беседуете? – вкрадчиво поинтересовался гепард.

– Выслушиваю наставления децара Перка о ночной караульной службе, в Рамире.

Перк важно кивнул.

– У него большой опыт в этом… – проворчал гепард, – кто разводит охрану?

– Децар Келлих, волк.

– Факелы в южной галерее?

– Горят, – Рохом посторонился, пропуская Фархада.

Проходя мимо Перка, гепард подозрительно принюхался, фыркнул и, потеряв к ним интерес, исчез за дверью.

Хорошенько двинув гризли древком копья по ягодицам, Рохом устало поплёлся вверх по лестнице, на крепостную стену. Добравшись до смотровой площадки на северной башне, он замер, напряжённо ожидая – не мелькнёт ли на тёмной стене фонарь разводящего.

Ждать пришлось недолго.

Спустившись на ярус ниже, Рохом повесил фонарь на крюк, вбитый в стену, свернул в северный коридор и привычно направился к двери своего деца.

У порога он заметил мешок. Старый заплечный мешок из грубой серой кожи, какие обычно носят наёмники. Рохом тронул его ногой, затем поднял, взвесил в руке. В мешке с глухим стуком перекатилось что-то тяжёлое. Барс толкнул дверь плечом. В пещере было темно и тихо. Красный отблеск тлеющих в очаге углей дрожал на стенах.

– Рох?

– Офар?

Возле очага шевельнулась коренастая тень.

– Как ночка?

– Холодно, – Рохом снял плащ и повесил его возле очага. – Не завидую тем, кто сейчас в дозоре у ворот или на мосту. Да, вот мешок нашёл.

– Мешок? – лис Хизаг высунул нос из-под облезлого заячьего пледа.

– Прямо у порога валялся…

– Ты поднял его?! – отшвырнув плед, лис рывком поднялся на ноги. – Я глазам не верю, Рох!! – Глаза Хизага горели. Послышалось недовольное ворчание – это проснулись разбуженные криком Хизага наёмники. В дальнем углу, у входа заколыхалась груда линялого меха. Затем, из неё вылетел увесистый чукаш и метко впечатался в лисий затылок.

– Сам угомонишься, рыжий, или помочь? – пророкотал из своей уютной кучи Ругард.

– Рох мешок поднял! – потирая ушибленное место, огрызнулся Хизаг.

– Мне плевать, что он там поднял, хоть короля за яйца! – завёлся олень. – Дай поспать!

– Какой мешок, Хизаг, чего ты разорался? – кутаясь в тяжёлый бобровый плед, к лису подошёл красный волк Ризо. – Сколько в нём камней?

Совершенно сбитый с толку Рохом вывернул найденный мешок. На пол пещеры упали восемь кусков красного гранита.

Любимым развлечением наёмников

Мигроса, кроме выпивки, конечно, были драки. Драки вспыхивали в крепости ежедневно и еженощно. Дрались все. Дрались самцы и самки, саталы и новобранцы, из-за самки и вчерашних объедков, один на один и кучей, до первой крови и насмерть. Временами мордобой перерастал в бойню. Случалось это поздней осенью, когда бархатными лохмотьями слезала кожа с зудящих оленьих рогов, вставала дыбом короткая блестящая шерсть на загривках антилоп, наливались жарким жиром кабаньи и медвежьи бока. Травоядные начинали и обычно выигрывали.

Битые хищники сбивались в небольшие стаи, а затем, выбрав момент, по ночам, выносили двери враждебных децов, врывались в пещеры и начинали настоящее веселье. В ход шли рога, клыки, короткие дубинки, камни, кружки, котелки и раскалённые сковороды. Вышибались зубы, ломались челюсти и носы, обрывались уши, на головы надевались горшки с горячей похлёбкой, выдавливались пальцами глаза. Иной раз, проламывались головы. Фархад, львята и тыцалы предпочитали не встревать.

Всё изменилось позапрошлой осенью, когда здоровенный самец антилопы куду, по имени Анорос, явился в дец леопарда Марха, чтобы напомнить тому о старом долге (хурка из меха харзы да пара новых чукашей). Антилопу с порога обрадовали дубовой скамьёй по лихо закрученным рогам. Полезшего восстанавливать справедливость гривистого волка Улга окатили кипятком. Очнувшись, Анорос ушёл, но вскоре вернулся. С боевым топором…

Утром, Фархад и тыцалы согнали всех свободных от дозора вояк перед главными крепостными воротами. Любимый палач Мигроса, лось Калех, назидательно раздробил своей палицей хребет Аноросу, после чего гепард произнёс короткую, но внушительную речь. Расходились наёмники ворча и оглядываясь на окровавленную палицу в руках Калеха.

– Рога чешутся? – рычал им вслед Фархад. – Чешите во славу Форна, о шкуры врагов!

Вечером наёмников вновь согнали к воротам, и Фархад объявил волю короля: «Отныне, каждый наёмный воин короля Мигроса, найдя у двери своего деца мешок, обязан поднять и пересчитать лежащие в нём камни, после чего весь дец обязан явиться в ярус Рамира, число которого равно числу камней в мешке. Явиться с учебным оружием и в доспехах, для того, чтобы сражаться. Сражаться так, как он сражался бы за своего короля! Трусов же…»

Впрочем, трусы находились всегда, несмотря даже на палицу Калеха. Едва ли не каждый наёмник, обнаруживший мешок, старался метким пинком направить его к соседним дверям, ибо никто не знал, что ждёт его ночью в указанном ярусе Рамира: новобранцы из соседнего деца или решившие развлечься «львята».

– Никакого оружия, Рох! – кабарга Офар снял с пояса барса охотничий нож. – А это – пригодится.

Рохом повертел в руках короткую дубину из обожжённого над углями дерева, хмыкнул и заткнул оружие за пояс. Весь дец уже был на ногах. Красный волк Ризо втискивался в обшитый кольчугой кожаный жилет, вырядившийся в новые доспехи песец Нугыл никак не мог решить, что ему взять – дубинку или деревянный меч, леопард Мерро, вооружённый деревянным топором, нервно потрошил остывшего рябчика, олень Ругард, с деревянным молотом на коленях, сидел у порога и, казалось, дремал.

– Восьмой ярус? – кабарга Офар старательно подтягивал кожаную обмотку на рукояти старой учебной секиры. – Лишь бы не львята.

– Не, эти в восьмой не полезут, – отмахнулся Хизаг, помогая Ризо с ремнями доспехов. – Оно им надо, помои нюхать. Лишь бы не дец Самоха. У них две пантеры…

– Файнола и Эйхарн, – тотчас отозвался Мерро. – Сёстры. С Файнолой я уже познакомился.

– А мне как-то не хочется… – проворчал лис, вынимая из-под своего

топчана обломок весла. – Нугыл, глянь какая игрушка!

– Только держись с ней от меня подальше, – песец неприязненно покосился на весло, – знаем вас, рыжих! Мне кажется, что внизу нас встретит дец Меррика. Новички и все лисы.

– Кроме Бринна, – напомнил песцу Унал, – он волк. Кстати, вот его лучше сразу веслом, а то беды наделает. Он три года с шайкой Аледа Рыжего по ратпмарским лесам шлялся. Я знаю.

В предчувствии скорой драки, у Рохома на плечах и загривке вздыбилась шерсть. Барс поднял руку, чтобы её пригладить, но наткнулся на доспехи. Драться всерьёз ему приходилось лишь однажды. Три года назад.

В тот год зима выдалась ранней и стада лиргов, идущие на юг, двинулись по южному ущелью, вместо восточного, минуя предгорья Ташигау.

Рохом прекрасно понимал, что его вылазка не понравится обитателям Юргау, но, видит Кайсар, голод погнал его на ледник этой негостеприимной и опасной горы. Их было трое. Взрослый кугуар и двое молодых волков. Рохома они застали в то мгновение, когда он торопливо набивал мешки дымящимся на морозе лирговым мясом. Рохом, хотя его сердце ёкнуло в желудок, приподнял верхнюю губу, обнажая клыки. Волки остановились, но кугуар, даже не сбавив шага, молча потянул из-за спины короткую секиру. Рохом ударил первым. Перепачканное лирговой кровью остриё копья почти достало живот кугуара, но тот сильным ударом секиры направил его вбок и атаковал сам. Обух прогудел у самого носа барса, не задев лишь чудом, а от следующего удара, привычный уклоняться от разъярённых самцов лирга, Рохом, ушёл без труда. Стараясь не поворачиваться спиной к недобро ворчащим волкам, он отступил к распластанной на льду туше. Не спуская глаз с врагов, Рохом поднял два мешка и начал не спеша отступать вниз по склону. Но кугуару, видно, в ту ночь уж очень хотелось кого-нибудь убить. Визгливо рыкнув, он в два прыжка настиг барса, замахнулся и был сбит с ног прилетевшим в морду тяжёлым, пахнущим кровью мешком. Перехватив копьё как дубину, Рохом, не жалея силушки, так перетянул кугуара, что до кости развалил ему левое плечо. Кугуар завыл. Волки потянули из ножен длинные боевые ножи, но приближаться не стали, что напуганного охотника очень обрадовало. Захватив три плотно набитых мясом мешка, барс до рассвета покинул опасный склон.

– Рох, – кабарга Офар хлопнул его по спине. – Пошли.

Стражник четвёртой большой галереи шестого яруса, крупный самец лани, не стал их окликать, а просто отошёл в сторону, пропуская отряд на лестницу. Седьмой ярус был полностью погружён во тьму, видать, растяпы стражники забыли сменить прогоревшие факелы. К лестнице, ведущей на восьмой ярус крепостного холма, Хизаг повёл их окольным путём, какими-то загаженными коридорами, узкими, сырыми, провонявшими лисьей и волчьей мочой. В третьем от колодца коридоре им попытался преградить дорогу какой-то койот. Хизаг коротким ударом сбил его с ног. Шедший за лисом олень Ругард пинком откатил скорчившееся тело к стене.

– Им прошлой вылазки в восточную галерею, видно, мало! – буркнул лис.

– И не говори… – проворчал Ругард.

Лестница, ведущая в восьмой, самый последний ярус холма оказалась в конце двенадцатого от колодца коридора. У лестницы, под факелами сидело четверо стражников – волк, сайгак, шакал и самка косули. Стражники увлечённо резались в трынду.

– А, чтоб их! – Хизаг запоздало шарахнулся в тень, но его заметили. Косуля привстала и громко свистнула.

– Мародёры? – нахмурился Ризо.

– Ага, – проворчал лис. – Офар, доставай, чего уж теперь.

– Эй! – донеслось из коридора. – А ну выходи!

Мгновение спустя, в стену, недалеко от Рохома ударил камень.

– Выходи, а то сейчас болт прилетит!!

– Держи, – кабарга протянул лису кожаную флягу и большой свёрток.

– Чтоб вам мимо глоток! – с досадой буркнул Хизаг. – Выходим!

Стража не шутила насчёт болта. В руках сайгака был взведённый арбалет.

– Хизаг? – худой взъерошенный волк в чёрном салакаше и коричневой кожаной хурке пригляделся и опустил копьё. – Чего шляетесь?

– Может, сам догадаешься? – огрызнулся лис. Не удостоив стражей приветствием, лис опустился на корточки, поднял одну из стоявших на полу кружек, понюхал.

– Подношение небогатое, а значит, внизу нас ждут новички.

– Дубовые палки вас ждут! – рявкнул волк. – Поставь, где взял!

Хизаг послушно вернул на место кружку, встал и обернулся к косуле, которая со скучающим видом вертела в руках короткую двулезвийную глефу.

– Чей там дец, Хельвин?

Косуля наморщила нос.

– Да, ладно, ты же не злая! – лис заискивающе оскалился.

– А подношение, хранящим ваш ночной покой? – у Хельвин оказался на редкость приятный низкий голос.

– Вот, – Хизаг протянул ей флягу и свёрток. – Отличный бурн из запасов дурня Аргала, сухари в придачу, ну и мяса немного.

– А зелень?

– Сама весной нарвёшь! Выкладывай.

Передав подношение молчаливому шакалу, косуля опустилась на колени перед дымящейся грелкой, остриём глефы выкатила на пол несколько углей, уставилась на них.

– Ну ничего, придёт и моя очередь этот зал стеречь… – прошипел за спиной Рохома леопард Мерро.

Хельвин подняла слезящиеся от дыма глаза к потолку, сложила руки на груди, обхватив длинными пальцами плечи.

– Пусть гнев Кайсара падёт боевым молотом на головы трупоедов, воняющих, как отрыжка гиены!

– Гудрих там, что ли? – насторожился Офар. Лис пихнул его локтем.

– Третий коридор от ямы дышит злобой, – продолжала завывать своим дивным голосом Хельвин, – на седьмой вся надежда, в пятом – смерть!

Косуля смерила Хизага взглядом.

– Иди же, воин! Сразу их своим веслом! – закончила она под дружный хохот стражи.

– А ну тебя! – обиженно отмахнулся лис. – За мной.

Хизаг вынул из стены один факел и шагнул на лестницу. Остальные последовали за ним.

– Скучно, знаете ли, – ворчал Мерро, – развлекаются…

Лестница оказалась крутой, а ступени щербатыми. Приходилось придерживаться руками за стену.

Восьмой ярус встретил их багровым отсветом факелов и угрожающим молчанием.

Мерро принюхался.

– Яма – там, – леопард указал налево. – Что Хельвин говорила насчёт коридоров?

– Третий коридор дышит злобой, – вспомнил слова косули Рохом, – на седьмой вся надежда, в пятом – смерть.

Хизаг, освещая себе путь факелом, прошёл немного вперёд.

– Второй… третий… Вот третий коридор.

Рохом поёжился.

Попадались в Рамире неуютные места, но чтоб настолько.

Из тёмной каменной щели повеяло дохлятиной. Где-то в конце коридора, видимо, из-под двери пробивалась полоска тусклого света.

– Здесь живут? – шёпотом спросил Хизага барс.

– Ещё как! – лис повернулся к песцу. – Сюда не пойдём. И в пятый тоже. Седьмой…

Седьмой коридор оказался самым просторным и был хорошо освещён – Рохом насчитал шесть факелов. Примерно через сорок шагов, коридор круто огибал необхватную базальтовую глыбу и уходил вправо.

– Что там? – спросил Рохом.

– Не помню, – помолчав, ответил Хизаг. – Офар?

– Не жилой коридор, – после недолгих раздумий ответил кабарга. –

Вроде кладовые здесь, где Аргалл сети и корзины для рыбы прячет.

– А в восьмом что? – спросил красный волк Ризо.

– Колодец, – ответил Хизаг. – Это я точно знаю. Чую, засада здесь, в седьмом. Давайте так. Ты, Ругард, Офар, Нугыл, Ризо и Мерро – пойдёте со мной. Проверим, кто у нас в седьмом спрятался.

Лис обернулся к барсу и братьям волкам.

– Рох, проверите с Ильнаром и Уналом восьмой и ждите нас тут, у входа. Если что – орите громко и страшно. Да, у нас тут уговор – лежачих не бить и зубам воли не давать. Офар, ты слышал?

Кабарга вздохнул и почесал клык.

Лис передал Рохому факел и потянул из-за пояса весло.

Олень повёл плечами, перехватил рукоять молота поудобнее.

Леопард Мерро поправил шлем, надвинул на переносицу широкую стальную пластину.

Песец Нугыл воздел свои злые жёлтые глаза к потолку и нараспев произнёс что-то на узгурском.

Офар выудил из кармана на поясе кастет и нацепил его на левую кисть.

– Давно не лизал чужой крови, – шепнул он лису. – Дань Углаю!

– Дань Углаю! – глаза Хизага заволокла мутная красная плёнка. Он первым шагнул в коридор.

– Дань Углаю! – шёпотом подхватили остальные и последовали за лисом.

– Дань Углаю… – произнёс и Рохом, хоть и не знал значение этих слов. Произнёс и тут же ощутил, как прямо под сердцем разгорается уголёк какого-то нового чувства. Он обернулся к волкам. Братья преданно смотрели на него. Рохом переложил факел в левую руку, достал из-за пояса дубинку и, держась ближе к стене, направился по галерее, к восьмому коридору. Братья волки, будто тени, последовали за ним.

Примерно через двадцать шагов главная галерея восьмого яруса привела их к входу в последний перед тупиком коридор.

– Восьмой коридор, восьмого яруса Рамира, – прошептал Ильнар. – Задница без хвоста.

Рохом посветил в темноту факелом, сунул нос за порог, принюхался и молча кивнул, соглашаясь с волком.

В клочьях белёсого мха, росшего на влажных стенах, копошилась какая-то мелкая живность. Пахло затхлой водой.

Рохом прислушался. Журчание сбегавшего где-то по стене ручейка было единственным звуком, нарушавшим эту тишину. Барс обернулся к волкам. Те стояли поодаль с учебными секирами в руках и всем своим видом показывали, как им не хочется идти дальше.

Идти и не пришлось.

Где-то позади с пугающим лязгом упала подъёмная решётка. Тотчас из темноты донёсся рёв оленя Ругарда.

– А вот по ботве тебе, падаль ратпмарская!

Кто-то, наверное Офар, пронзительно засвистел. Затем, сквозь обрушившуюся лавину криков стонов и ругани, прорвался визгливый голос Хизага.

– К третьему! К третьему коридору!

– Рох! – барс узнал голос Мерро. – К третьему коридору! Живо!!

Ильнар с Уналом уже скрылись в темноте. Рохом бросился за ними и вскоре налетел на внезапно остановившегося Ильнара.

Решётка!

Главная галерея оказалась перекрытой неизвестно откуда взявшейся железной решёткой с толстыми, покрытыми ржавой слизью прутьями.

Тем временем, в седьмом коридоре, судя по визгу и рычанию, разгорался нешуточный бой.

Рохом отбросил факел.

– Поднимаем!

Но не тут-то было. Лишь слегка уступив их усилиям, решётка на ладонь оторвалась от пола и, скрипнув, засела намертво.

– А чтоб её… Во, влетели! – в голосе Ильнара зазвенела паника. Унал обернулся к брату, но ничего сказать не успел.

Где-то совсем близко, за стеной, зашумела вода. С потолка хлынули ледяные струи. Пол под ногами дрогнул

и начал медленно поворачиваться.

Рохом едва устоял на ногах. Волки испуганно взвыли.

Стена слева вдруг ожила и медленно поползла в сторону, открывая потайной ход.

– Назир, Хикмет! – донесся из седьмого коридора чей-то хищный рык, – Оленя найдите, шкуры пятнистые! Разорву, если уйдёт! Хродвин, Дрого перевяжи…

Дождь с потолка внезапно прекратился. Что-то гулко ухнуло, и пол прекратил своё движение. Открывшийся в стене проход был узок и тёмен.

Сильный удар по решётке заставил барса и волков шарахнуться в темноту главной галереи.

Крупный самец пятнистой гиены в тяжёлой кольчуге и кожаном шлеме, улыбнулся, показав сломанный нижний клык, и снова провёл по решётке деревянным мечом.

– Я Кабир. – глухо проговорил он, – Децар змеиного бунака. А вам – ханырк и порка! Лэгги, Назир, Хикмет! Поднимайте решётку, здесь ещё трое!

Не дожидаясь, чем всё закончится, Рохом пинками вывел из столбняка обоих волков и пинками же погнал их только что открывшимся проходом в черноту и неизвестность.

Вслед неслись лютая брань Кабира и мучительный визг намертво заклинившей решётки, но барсу это всё уже было не интересно. Разъехавшись на мокрых камнях, в лужу полетел кто-то из волков. Кто именно – барс не разглядел. Тьма стояла кромешная. Беглецы остановились. Очень скоро глаза Рохома привыкли к темноте ровно настолько, чтобы различать вытянутые перед собой руки, неровные влажные стены и молчаливых соратников.

– Где мы? – прошептал Унал.

– Я и не знал, что в Рамире есть такое… – откликнулся Ильнар, голос его дрожал. – Может, наших позвать?

– Куда позвать?! – зарычал Унал на брата. – Ты не понял? Это ловушка. Против нас два деца. Скажи, Рох?

– Нечестно! – возмутился Ильнар.

– Вспомни, – продолжал волк, – Хизаг про дец серны Дорхо что рассказывал?

Ильнар промолчал.

– Если это они устроили – я сразу сдаюсь! До смерти забьют…

– Это мы ещё посмотрим… – прошептал барс, хотя сердце его тревожно ёкнуло. – Идёмте вперёд. Посмотрим, куда этот коридор выведет.

– Дорхо на рога, – мрачно пообещал Ильнар, но пошёл за барсом.

В нескольких местах коридор сужался так, что приходилось протискиваться боком. Непривычные к скитаниям по пещерам волки уже готовы были выть. Да и у вполне привычного Рохома временами начинало щемить сердце от осознания, что над тобой нависла вся исполинская громада холма, с Рамиром в придачу. Потому, когда впереди на стенах замерцали отблески огня, барс тихо рассмеялся.

– Не торопись, – предостерёг его Унал.

Рохом осторожно высунул нос из потайного хода.

– А… это седьмой ярус… – зашипел за его спиной Ильнар, – вон лестница…

Унал безжалостно дёрнул брата за хвост.

– Тихо!

Барс обернулся и погрозил братьям кулаком.

– Сидите здесь. Я сам разведаю.

Держа дубинку наготове, Рохом протиснулся в дыру, прижался к стене и огляделся.

Круглая комната не менее десяти шагов в поперечнике, низкий потолок, до которого легко можно было дотронуться рукой, лестница, вырубленная в камне, и чадящий факел в стене. Барс прокрался к лестнице, преодолел несколько ступеней и замер. Наверху было тихо и темно. Присев на корточки, Рохом обернулся и посмотрел на дыру в стене, где притаились братья волки.

– Ильнар! Унал! – шёпотом позвал он.

В темноте вспыхнули две пары зелёных звёздочек. Из пролома, вместо братьев, выскользнули две гибкие чёрные тени и молча бросились на Рохома.

Мантс

den.prozherin@yandex.ru
http://prode.furnation.ru/

***

Серебрит чешую лунный свет,
Тень от крыльев чернее, чем тьма.
Я от ветра принёс вам привет,
А с приветом – свобода сама.

Выходи во прохладную ночь,
Пусть все спят в тишине одеял.
Им усталости не превозмочь,
Не поверят, что ночью летал.

Чуешь, ветер ласкает крыла?
А в груди – горячо и легко?
Лапой взмах: «А, была не была»,
Да, друг, лапой, а не рукой.

До чешуйки себя ощути,
И потом – вслед за мной – в небосвод!
…налетавшись, спокойно усни.
Завтра ночью нам снова в полёт.

***

Выбирая пути, мы навек закрываем другие,
И порою жалеем, что выпало именно так:
В сердце есть по сей день очень нам дорогие,
Но любовь мы отдали не им, а у них теперь мрак.

Ты ничей – так стремись этим милым на помощь,
И своею любовью их жизнь освети.
Будет вам хорошо. Но запомнишь,
Да, запомнишь другие варианты-пути.

И та память о прошлых вариантах,
Недосказанных чувствах и решеньях с кем быть –
Драгоценней, прекрасней бриллиантов –
Будет вечно сердце томить.

***

Засеребрилась шерсть от водной пыли,
И цвета неба стали серые глаза.
– Я расскажу тебе о том, что было,
О том, во что поверить-то нельзя.

Устройся, хвост обняв, и мой рассказ послушай.
Здесь, на крыльце, под крышей без тепла,
Историю, ещё не писанную тушью,
О том, как человек обрёл крыла.

– Не может быть! – Я сам сперва не верил,
Но повстречал его, и за спиной…
Ты знаешь, я бы, право, не заметил,
Когда б не этот дождик-сеногной.

Движенье в воздухе и контуры дракона,
Что ввысь взлетал, кружился, ликовал.
А после – приземление у дома –
Там человек лежал и землю обнимал.

Когда поднялся – я заметил крылья
Не чётче, чем движение дождя…
– Ты что, считаешь это былью?
– Взгляни на небо, ничего не ждя,

Не из окна, не с жаркого уюта,
А из дождя, им пропитайся весь,
Не ожидай увидеть абсолюта,
Просто смотри на водяную взвесь.

Заметишь – люди души выпускают,
Их радость, красоту, простор…
Вот сказка для тебя. И сделай малость:
Прислушайся и посмотри, не спорь.

***

Так забавно встречать себя
В отражении жизни других,
И смотреть, рукава теребя,
Что получится сделать у них:

Одолеют себя или нет?
Как сумеют мечту воплотить?
Иногда мне известен ответ –
И соломку даю, подстелить.

***

Осенние дожди дают успокоенье,
И в пасмурные дни мир только лишь плавней –
Не режет цветом глаз, и не даёт волненьям
Подняться вверх, как стае лебедей.

Дождливая погода для мечтаний.
Сидеть на чердаке, иль греться у печи,
Или дождём дышать, печалясь средь скитаний
О том, что ждёт тебя в конце сего пути.

Конечно, мёрзнуть. Понемногу, плавно.
Отсыревать и выпускать ртом пар.
В том прелесть нахожу. И главное:
Дождливая пора мне драгоценный дар.

***

Я прилечу на крыльях ветра…
Среди кудрявых облаков
Я наберу частички света
И принесу тебе в альков.

Я прилечу с грозой весенней,
Впитаю свежий воздух бурь.
Потом, спокойнее и ленней,
Лишь улыбнусь: «лицо не хмурь».

Я буду в небе звёздной ночью,
Вбирать покой и красоту.
И расскажу, если захочешь,
Про лунный свет и высоту.

Я прилечу порой осенней,
И сам окрасившись как лист.
Мне листопада песнопенье
Звучит как шёпот или свист…

Я улечу ещё до снега.
И расскажу ветрам о том,
Какой бывает дружбы нега
И что ты ждёшь меня в свой дом.

Автор стрипа: Noct

Скайли
kaizer131@ya.ru
http://skyeylion.furnation.ru/

Спасение

Не нарушай закон природы!
Рычал охотнику волчонок,
И не смотри, что я ребёнок
Сказал, клыки он оголив.

Сестра его забилась в норку
Едва сбежав от пули звонкой
Что просвистела в сантиметре
Снеся с бревна кусок коры

Через прицел берёт на мушку
Волчонка серого макушку,
Едва нажавши на курок,
Вершит охотник страшный рок.

Развеян дым и капли крови
Но не волчонок взвыл от боли.
Охотнику, вцепившись в руку
Сестре махнул хвостом: «Беги!»

Освирепев и корчась в боли
Охотник зарядил ружьё
Но брат с сестрой укрылись в роще
«Нас не поймаешь, дурачьё!»

Жемчужина Посейдона

Был полдень, тропическое солнце начинало припекать, раскаляя извилистую дорогу, по которой не спеша ехал рейсовый автобус. По направлению в отель он вёз единственного пассажира, что неудивительно: к полуденной жаре все обитатели и гости острова спешили к океану и его белым пляжам. Но Льву по имени Скайли в его синей плотной шкурке было не так уютно под палящим солнцем. По дороге в отель Скайли грустил, прислонившись к окну.

– Как я мог потерять её, – думал он.

С утра, купаясь на диком пляже, Лев нашёл жемчужину, было странно, что она была без раковины, как будто кто-то её обронил или она выпала с какого-либо украшения. Собственно, так поначалу и подумал Скайли, но тогда, держа её в лапах, видя её неотшлифованную, перламутровую поверхность, он понял, что этот камень не был чьим-то украшением.

Была ещё одна странность в этой жемчужине, которая так заинтересовала его. Несмотря на раннее утро и прохладную воду океана, она была тёплой. Лев подумал, что ему показалось, но позже, когда он положил её в кулон на шее, она грела. Тепло, несомненно, исходило от неё.

Автобус остановился. Выходя из него, небесный Лев печально вздохнул, сжав в лапе кулон-лапку со сломанной теперь застёжкой. Во время последнего купания кулон зацепился за коралл и Скайли не заметил, как потерял жемчужину.

– Мяк – нужно будет вечером вернуться туда и поискать её, – подумал он.

Несмотря на то, что пляж был диким, он боялся, что жемчужину может найти кто-нибудь, хотя мало кто будет нырять там. Чаще на такие пляжи заходят пары, любящие приятно провести вечер, тиская друг друга на разогретых камнях. Мысли о йиффающихся на берегу парах захватили небесного Льва.

Мрррр, к реальности Льва привело ощущение жжения на шкурке.

– Нужно скорее дойти до номера и смыть с себя соль, – подумал он и поторопился в номер, так как под палящим солнцем соль уже выступала на синем меху белыми, жгучими кристаллами.

Через пять минут Лев стоял обнажённым под струями тёплого душа, шкурка, как и всё тело, наслаждалась этим моментом очищения. Грива под тяжестью воды потеряла свою пышность и плотно прижалась к голове и телу небесного Льва. Со стороны без пышноты гривы он был похож на котёнка.

Увидев себя в таком виде в отражении стеклянной дверцы душа, Лев вспомнил, как, будучи котёнком, он восхищался пушистыми гривами взрослых самцов.

– Мрррр… что за мысли сегодня лезут ко мне в голову, – подумал Лев.

Обернувшись полотенцем, он вышел из душа. Было время обеда, но из-за жары есть не хотелось, довольствуясь корзиной с экзотическими фруктами, Лев решил пропустить обед и, взяв сочное манго, с удовольствием вцепился зубами в сладкую мякоть.

Лёжа на кровати в одноместном номере, небесный Лев достал блокнот из чёрной кожи, оттуда выпала пара исписанных рабочими заметками бумаг.

– Фррр – нужно было оставить их дома, Лев любил свою работу, но сейчас, на острове ему хотелось полностью отвлечься от неё, посвятив себя короткому отпуску в четыре дня. Первый день он провёл, гуляя по острову, фотографируя всё, что только можно. А второй начался с утренней прогулки до пляжа в обтягивающих белых шортах и купанием в прохладных волнах океана. А также неожиданной находки и столь же неожиданной потери перламутровой жемчужины.

Убрав рабочие записи во внутренний карман сумки, Лев открыл блокнот на чистой странице и, достав ручку, начал писать:

Отбросив жемчуг Посейдона
Отвергнула его любовь.
Русалка камни раскидала
По острым скалам берегов.
Теперь лежат они забыты,
Как слёзы горестной любви.
И ждут когда вы их найдёте,
Тепло, для вас, храня внутри.

Отложив блокнот, небесный Лев потянулся на кровати и погрузился в полуденный сон.

Когда Лев проснулся, на часах уже было пять вечера. Солнце сменило палящий

зной на тёплую атмосферу, так гармонично наполняемую океанским освежающим бризом.

В животе заурчало, и небесный Лев подумал, что он всё-таки зря пропустил обед. Подойдя к зеркалу, он расчесал гриву и кончик хвоста, потянулся, разминая мышцы, и направился к сумке, в которую положил приобретённую для отпуска одежду.

На самом деле в одежде Лев был неприхотлив и обычно носил просто то, что было ему удобно. Но перед отпуском пушистые друзья затащили-таки его в торговый центр, где он и провёл с ними целый день, примеряя одежду, которую бы сроду не стал носить дома. Но с этими весёлыми пушистыми мордами можно забыть обо всём на свете. Так Лев и получил почти полную сумку вещей и вдобавок инструкцию за вечерними посиделками, какие из них, как и для кого на острове надевать.

В обычной ситуации небесный Лев взял бы всю их компашку с собой, но так как отпуск был зимой, да и особо не планировался, поехать с ним они не смогли. А что до Льва, то он просто завершил большой проект, забравший все его соки и творческую энергию, и, отметив Новый год, решил в январе улететь на несколько дней, чтобы восстановить баланс сил и, возможно, снова начать творить.

После нескольких примерок небесный лев стоял в номере в хлопковых шортах, украшенных пейзажем из пальм, и голубой шёлковой рубашке на голое тело. Посмотрев на округлые формы шорт и выпирающий спереди бугорок, Лев пообещал себе по возвращении домой задать трёпку одному похотливому Зайцу, тому из их компашки, который настоял на покупке этих шорт.

Но переодеваться он не стал, так как был очень голоден и его зубы с удовольствием сейчас вцепились бы в кусок нежного стейка с кровью. С этими мыслями Лев, выйдя из номера, спустился в ресторан на веранде.

Народу в зале было не так много, но угловые столики были заняты интимно мурлыкающими парочками. Особенно выделялась одна пара, Он, пепельного цвета волк со светящимися зелёными глазами, и Она, ярко-красная лисица. Судя по их довольным мордахам (особенно по её удовлетворённому взгляду и взъерошенному хвосту), Волк недавно постарался на славу. Об этом также говорило её заботливое кормление десертом с ложечки своего самца, поскуливающего за таким ухаживанием на весь зал.

– Хе-хе, ванильная парочка, – глядя на них, подумал небесный Лев – и, обративши внимание на бугорок в штанах Волка, отметил, что у них ещё что-то будет.

Удобно разместившись за столиком на краю веранды, Лев продолжил наблюдать за этой парочкой. Будет… А когда в последний раз было у него? Не сказать, что он сам был обделён вниманием, но в силу своей избирательности, да и порой из-за внутренних тараканов, многие хвосты проходили мимо. Да и прошлый год был загружен работой, что сказалось отрицательно как на его желании, так и на частоте интимных встреч.

И творчестве…

– А когда я сам в последний раз рисовал? – подумал лев и, взяв салфетку и карандаш (который всегда носил с собой в кармане или за ухом), принялся выводить линии, словно проверяя, не разучился ли он рисовать.

– Сэр, вы что-нибудь выбрали? – кто-то тактично вывел его из состояния “творческого транса”.

Подняв взгляд, Лев понял, что этим кем-то был галантного вида официант Бенгальский тигр, одетый в чёрный костюм с белым полотенцем на лапе. С невозмутимым спокойствием он смотрел на салфетку, на которой только что рисовал Лев.

– Вот чёрт! – вскрикнул лев про себя. На салфетке во всех деталях был нарисован тигриный девайс в состоянии боевой готовности! – Чёрт, вот это спалился!

– Так что будете брать? – спросил Тигр так же невозмутимо.

– Мя... мясо, на Мяш вкус… пожалуйста, – чуть слышно сказал Лев, закрывая лапой рисунок.

– Что-нибудь ещё? – с чуть заметной ухмылкой спросил официант.

– Чай, пожалуйста, со льдом – с большей уверенностью ответил Лев.

– Что на Десерт? – уточнил он, даже не представляя, какие мысли он вызвал в голове льва этой фразой.

– Нет, спасибо, десерта не нужно, – ответил небесный Лев.

Записав заказ в блокнот, Тигр развернулся и элегантной походкой ушёл по направлению кухни.

– Мяфф, – облегчённо выдохнул Лев, облизав похолодевший от такой ситуации нос.

Убрав рисунок в карман шорт, Лев стал дожидаться заказа.

Через десять минут бенгальский Тигр поставил перед небесным Львом приборы и, сделав рейд до кухни, принёс ароматный стейк и кувшинчик с чаем, в котором, тая, потрескивали кубики льда.

– Приятного аппетита, – пожелал Тигр, поставив в центр стола вазу с цветком тропической орхидеи.

– Спасибо! – ответил Лев и, дождавшись, когда останется один, принялся за еду.

Стоит отметить, вкус у Тигра был отменный. Принесённый стейк был не только нежно обжарен до румяной корочки, но и остался внутри с кровью, как и любил Лев. Приправленный маринадом стейк идеально сочетался с салатом из авокадо, густым томатным соусом и хрустящими хлебными ломтиками. Насытившись, Лев наполнил стакан чаем и, вглядываясь вдаль, стал потягивать освежающий мятный напиток.

На горизонте краснеющим на закате силуэтом возвышались скалы, за которыми находился дикий пляж. То место, куда Лев должен сегодня вернуться. Вернуться и найти то, что так странно манит его к себе.

Рассчитавшись за ужин и оставив щедрые чаевые бенгальскому Тигру, Лев вернулся в номер для того, чтобы переодеться в более подходящую для плаванья одежду.

Пока он переодевался, его снова посетила муза:

Из записи в блокноте:

Тропический остров, веранда и свечи
Бенгальского Тигра я встретил в тот вечер,
Рисунок невзрачный я набросал
Себя с потрохами, наверное, сдал.

Подготовившись, Лев направился к пляжу. Так как жара спала, он предпочёл пройтись пешком, а не на автобусе. Пешие прогулки и океанский воздух благотворно влияли на него. Несколько месяцев назад он рисовал разве что схемы да графики, а теперь…

– И надо же было так спалиться! – улыбаясь, произнёс Лев.

Расставленные по обочинам дороги факелы были кем-то зажжены и придавали ей ауру таинственности. Направившись вдоль них по дороге, небесный Лев погрузился в свои мысли. В молчаливом походе он не заметил, как оказался у той самой скалы, за которой с утра Лев нашёл дикий пляж. Перебравшись через камни, небесный Лев осмотрел окрестности.

– Не хотелось бы своими поисками помешать какой-нибудь парочке, – подумал Лев. Ему повезло: вокруг не было никого. – Надеюсь, она ещё там. – С этими мыслями он нырнул в воду.

Она точно была здесь. Лев продолжал ощупывать лапами кораллы и корил себя за то, что не взял подводные очки. Подняв тучи песка и распугав своим видом обитателей рифа, он понял, что нужно всплывать и подождать, пока не уляжется водная муть. Вынырнув на поверхность, Лев вылез на камни. Отряхнувшись, он распластался на нагретой за день скале и решил отдышаться.

– Всё-таки вода не моя стихия, – подумал Лев, и действительно: многие ли из семейства кошачьих могут похвастаться отличными навыками дайвинга, тем более без снаряжения.

Немного отдохнув, небесный Лев, разбежавшись, вновь окунулся в тёплые волны океана. Глубина дна в том месте, где была потерянная жемчужина, составляла метра четыре. Поиски осложняло то, что дно было усеяно скользкими рифами и опасно выступающими местами, скальными породами, отталкиваясь от которых Лев помогал себе подниматься на поверхность, чтоб набрать воздуха в грудь. Спустя какое-то время безрезультатных поисков Лев начал уставать и уже почти потерял надежду на то, что сможет найти в темнеющих глубинах столь манящий к себе камень.

Он поднялся на поверхность и, набрав полные лёгкие воздуха, решил нырнуть в последний раз. Солнце садилось, и яркие краски океанского дна начали приобретать смазанный синевато-серый оттенок. Безбоязненно снующие вокруг косяки рыб, видимо, уже свыклись с присутствием странного гостя и не расплывались от него во время очередного погружения. Осматривая последний коралловый островок, Лев почувствовал, что ему снова необходимо подняться за глотком

свежего воздуха. Как обычно сместив центр тяжести, Лев опустился на донные камни и захотел оттолкнуться от них. Но камень, присыпанный песком, на краю рифа оказался не столь надёжной опорой и под весом Льва съехал по песчаному грунту, лишив его равновесия. Потеряв точку опоры, небесный Лев, заваливаясь на спину, ударился затылком об один из скальных выступов. Удар был не сильным, но болезненным. В глазах у Льва потемнело, крик боли заставил выпустить из лёгких остатки воздуха и захлебнуть воды. Небесный Лев менее чем на минуту перестал ориентироваться в пространстве, но этого времени было достаточно для того, чтоб начать ослабевать и задыхаться. Лев попытался подняться на поверхность, но каждое движение отдавало болью в ушибленном затылке, что еще больше помутняло разум. На последних секундах сознания Лев увидел в водной мути какой-то силуэт, он приближался. Это последнее, что он помнил…

Как сильно дождь хлестает по лицу
Остервенело, нагло, грубо.
Но нечего ответить подлецу.
Лежишь ты без сознанья, мокнет шуба.
Дождь призывает к разуму тебя
Уже не шепчет, а кричит в испуге.
Почувствовав, что ты пришел в себя
Он со слезами мне протянет руки…

Дождь…дождь, каплями пронзающий тело, бьёт, приводя в сознание. Он идёт не переставая. Лучи света, проходящие сквозь бреши в плотном покрывале штормовых туч, проходят волнами тепла по телу... Нет, это не лучи, эти волны тепла проходят по телу от лапы, точнее, от того, что в ней.

Смутно представляя, где он и что произошло, небесный Лев попытался подняться. Боль отступила, но разум был ещё в тумане, единственное, что позволило ему увидеть приходящее сознание, это странный силуэт, то ли уходящий в пучину волн, то ли растворяющийся в их бурной белой пене.

Не в силах подняться, Лев продолжил лежать на берегу, лишь только потом, спустя несколько минут он понял: то, что греет его – это та жемчужина, которую он искал на дне чуть не поглотившего его океана. Но как она попала к нему в лапу? И как он оказался на берегу, ведь последнее, что он помнил, это то, как, захлёбываясь, тонул, сжимаемый толщей воды. Мысль о такой смерти, как и о смерти вообще, отрезвила его разум, он смог приподняться.

– Крови нет, – отметил Лев, проведя лапой по ушибленному затылку.

Он смог подняться. Дождь прошёл, и тучи, отступая за горизонт, окрашивались в багрово-красный, будто сгорая, подходя к финалу своего существования. Всю дорогу до номера Лев не выпускал жемчужину из лапы. Факелы у обочины дороги намокли от дождя и потухли. Шлёпая по лужам, Лев, по-прежнему находясь в состоянии забытья, отмерял шагами путь от смерти до дома.

Через полчаса, высохший по дороге и измученный, он стоял у дверей своего номера. Немного ранее, заходя в отель, Лев боялся, что его вид испугает тех, кто может быть в холле. К счастью, посетителей не было, а метрдотель – пожилой и солидного вида Волк – в этот час мирно дремал за стойкой. Достав из кармана ключи, Лев вошёл в номер и, не раздеваясь, рухнул на кровать. Только сейчас он ощутил всю усталость этого вечера, мгновенно погрузившую его в сон.

Ему снились волны, забирающие к себе небесного Льва. Снилось его рождение, сменяющееся смертью в глубинах океана. Погружение в пучину его синего тела, охваченного белым огнём, почему-то не погасшим под водой. Снился также силуэт кого-то или чего-то, растворяющегося в красных облаках заката. И многое из того, что растворится в дымке сновидений и не вспомнится с утра.

Лев открыл глаза, часы, стоящие на прикроватной тумбе, показали половину одиннадцатого. Он сел на край кровати, от вчерашних приключений немного кружилось голова и в комнате казалось невыносимо душно.

– Где она!? – спохватившись, произнёс он. Оглянувшись, Лев увидел желанную жемчужину, лежащую на кровати.

Облегчённо вздохнув, он осторожно взял её и сказал: “Ты чуть не стоила мне жизни”. Сказав это, он не догадывался, насколько он был недалёк от истины.

Приняв душ, Лев стоял на балконе и наслаждался открывающимся с него видом на белые пляжи тропического острова. Прошедший ливень остудил раскалённый воздух, и прохладный бриз, развевая гриву, манил на прогулку.

by Imanika 2014

– Отличный день для пляжа, – подумал Лев и вернулся в комнату, для того чтобы переодеться.

К полудню Скайли уже лежал на пляже, наслаждаясь минутами покоя. Играющие в песке дети, загорающие взрослые фурри – всё это отходило на второй план, уступая место долгожданному отдыху и вкусному тропическому коктейлю.

Впервые за долгое время Скайли освободил свою голову от повседневных забот, и в неё наконец начали приходить рифмы и сюжеты, беспорядочно вносимые в блокнот:

Играют волны на песке
И я с бокалами коктейля
Ищу тебя в немой тоске
Надежду в сердце молча грея.
Мой стройный ряд из мыслей строгих
Ты разобьёшь своим хвостом
Мурлыча вместе этой ночью,
Не будем думать что потом.
Не будем думать о разлуке
Нет расстояний для сердец
И дням пустым печали полным
Прощай, скажу я наконец.

На блокнот упала тень, Скайли фыркнул и поднял голову, чтоб попросить отойти того, кто так бесцеремонно забрал его частичку тропического солнца.

“Обидчик” стоял на фоне солнечного диска, антропоморфная Акула с красивыми фиолетовыми глазами. Задранные вверх плавники-ушки и округлый носик, переходящий в тонкую линию рта, придавали его лицу выражение игривости, а взъерошенная, пепельного цвета чёлка лишь усиливала этот эффект.

Акула был выше Льва и сложен стройнее, атлетичное тело, широкие плечи и узкая талия, скрывающая всё самое интересное под чёрными плавками. Лучи солнца играли на его серой коже, добавляя яркий ореол его силуэту.

Плавки не имели выреза под хвост и заканчивались ниже его уровня, оголяя верх аппетитных форм его попки.

– Можно? – спросил незнакомец и, не дожидаясь ответа, лёг на песок рядом со Львом.

Лев продолжал сидеть в оцепенении, он видел в городе много фурей, но Акулу он видел впервые. Не зная, что это, природный интерес кота к рыбе или что-то другое, Скайли, не закрывая блокнота, как загипнотизированный продолжал смотреть на мордочку Акулы, не говоря ни слова.

– А ты забавный, – прервал паузу незнакомец, отмечая необычный цвет шёрстки льва, – как тебя зовут?

– Небесный… – ответил Лев, – Лев, друзья зовут меня Скайли.

– Значит, я могу звать тебя Скайли? – улыбнувшись, спросил он.

– Мррр, да можно и так – ответил Лев, переключивши внимание с мордочки на хвост своего нового друга.

– А как тебя зовут? – спросил Скайли.

– Зандер, – ответил акулёнок. – А что ты пишешь?

– Да так, просто мысли, – ответил Скайли.

Обычно Скайли не очень радовался такому назойливому вниманию к себе, но почему-то к этой Акуле подобного он не испытал.

– Возможно, отдых всё-таки идёт на пользу, – подумал Скайли и протянул блокнот Зандеру: – Прочти, если хочешь.

Зандер взял блокнот и пару минут читал написанное.

– И с кем же ты мурлыкал ночью? – спросил Акулёнок.

Странно, но Льву показалось, что в его вопросе были нотки разочарования или обиды.

– Да нет, ни с кем – я просто пишу то, что приходит в голову и не обязательно, что это конкретно про меня.

– Понятно, – с некоторым оживлением сказал Зандер, – красивый стих, может, пойдём искупаемся, вода сегодня просто прекрасная.

Скайли повременил с ответом, после вчерашних событий меньше всего ему сейчас хотелось лезть в воду.

Зандер, приблизившись к ушку Скайли, сказал: “Если коты плохо плавают, им лучше не играть на рифах”.

– Рифах!? – Скайли как будто пронзило током – неужели он был там вчера?

– Ты …??

Акулёнок встал и выпрямился.

– Ну так что, идём? – не дав договорить, Зандер протянул Льву руку.

Скайли неуверенно подал ему лапу и почти рывком был поднят с песка, оказавшись на несколько секунд в объятиях Зандера.

– Не беспокойся, – сказал Акулёнок, разминая плечи, – я отлично плаваю, смогу и тебя научить.

Они направились к волнам, а Скайли продолжал думать о том, кто этот Акулёнок и почему он заговорил про риф.

На морду Льва попали брызги воды, оторвав его от размышлений.

– Эй, Скайли, не спи! – окликнул его Акулёнок, продолжая плескать на него водой.

Скайли прикрыл глаза от летящих брызг и ногой запустил волну на Зандера. Но тот нырнул в воду и скрылся под волной. Скайли, растерявшись, не заметил приближающийся сзади плавник, кто-то схватил его за ноги и потянул на себя, отчего Лев, потеряв равновесие, плюхнулся плашмя в воду, подняв тучи брызг.

Поднявшись, Скайли увидел перед собой Зандера, тот держал руки на боках и смеясь сказал:

– Да, ты точно мелководный Кот.

– А что такого? – обидевшись, буркнул Скайли.

– Ну прости, я не хотел тебя обидеть, – ответил Акулёнок. – Будь веселей! Пошли, просохнем на солнышке и охладимся коктейлем.

Скайли смотрел на спину уходящего по направлению пляжного бара Акулёнка. Отряхнувши шерсть и прихватив свои вещи с пляжного места, Скайли присоединился к Зандеру, сев рядом с ним у барной стойки, где они заказали по тропическому коктейлю за знакомство.

Я раньше тебя здесь не видел, – начал разговор Зандер, – ты приехал на отдых?

– Да, – ответил Скайли, – короткий отдых на четыре дня, и скоро уже обратно.

– А почему так мало? – удивился Зандер.

– Ну, это был не запланированный отдых, а, скорее, зов уставшего Льва, – ухмыльнулся Скайли.

– А что так?

– Мяф. Зандер, я не хочу говорить о работе в такой момент, – сделав глоток из бокала, добавил: – А ты, живёшь здесь?

– Да, сколько себя помню, я был неразлучен с этим островом.

Скайли такая формулировка слегка удивила, но он не стал заострять на этом внимание. Не зная, почему, но он чувствовал себя легко и комфортно, проводя время с Зандером.

– А чем ты тут занимаешься? – спросил Лев.

– По-разному, организую туры, помогаю местным, – ответил Зандер.

– Наверное, весело жить на таком острове?

– Мне сложно судить: я привык к его ритму и жизни, для меня он стал обычным местом, – с долей равнодушия сказал Зандер.

– А для меня это просто рай!

– Рай для одного?

Скайли не ожидал такого вопроса.

– Ну в целом да, но сейчас я например болтаю с тобой, поэтому уже не один, – улыбнулся Лев.

– Это хорошо – многозначительно произнёс Зандер и улыбнулся в ответ.

На улице вечерело, и пляж понемногу опустел. Общаться с Зандером было приятно и весело. У них нашлось много общего, даже несмотря на различие в видах.

Зандер рассказал Скайли, что на острове есть несколько маршрутов, не известных туристам и даже некоторым из местных жителей.

– Если хочешь, я могу показать тебе эти места, – подытожил Зандер.

– Это было бы классно! – обрадовался Лев. – У меня завтра свободный день, поэтому, если ты не занят, я с удовольствием погуляю с тобой по острову.

– Отлично, тогда договорились, я завтра буду после обеда свободен, ты где остановился?

– В отеле “Прибой”, он недалеко отсюда, – ответил Скайли.

– Да я знаю, хороший отель, бывал там иногда, тогда давай я провожу тебя, а завтра мы встретимся у входа в 3 часа, хорошо?

– Мрр, да, конечно, у меня будет персональный экскурсовод!

Зандер рассмеялся.

– Как скажешь, Скайли, но я бы предпочёл называться хранителем острова.

– Ого, как завернул, – улыбнулся Лев и, поднявшись со стула, галантно поклонился и добавил: – Не желает ли хранитель, чтоб Скайли стал адептом тайн его острова?

– Желает, – ответил Зандер, – но сегодня ограничимся прогулкой до отеля, а то, боюсь, тебя понесёт нелёгкими путями по тропам этого рая.

От такого диалога оба залились смехом. Им было весело вместе, и за шутками они скоротали путь до отеля.

– Ну что ж, Скайли, – сказал у входа Зандер, – мы пришли. Завтра я буду ждать тебя здесь в три часа.

– Договорились, – ответил Лев, – спасибо тебе за компанию. Приятно было познакомиться!

– И мне тоже приятно, Скайли, ну давай, беги в номер.

Немного попереминавшись с лапы на лапу, Скайли произнёс:

– А ты точно придёшь?

– Конечно, Скайли, я же обещал, а

я держу слово.

Лев довольно замурчал и, попрощавшись, направился к входу.

Обернувшись, он крикнул:

– Помни, ты обещал!

– Беги уже, пушистый, и не беспокойся, я буду тебя ждать завтра здесь!

В приподнятом настроении Лев домчался до номера, чтобы быстрее прильнуть к окну, он смотрел на силуэт направляющегося вдаль Акулёнка, пока тот не скрылся из виду в вечерних сумерках.

Лев принял душ и уснул, уткнувшись мордочкой в подушку, сегодня ему было хорошо и весело, он с нетерпением ожидал завтрашнего дня.

На следующий день в назначенное время Скайли вышел во двор отеля, где, как и обещал, его ждал Зандер.

Едва не срываясь на бег, Скайли подошёл к нему.

– Привет! Я боялся, что ты не придёшь, – сказал Лев.

– С чего это вдруг? – удивился Зандер.

– Ну.. не знаю, – ответил Лев, не желая признаваться, что всё время до обеда думал лишь о нём и его обещании.

– Ладно, Львёнок, ты готов?

– Конечно, – промурлыкал Лев, – куда идём?

– Увидишь, – сказал Зандер, взяв Скайли за лапу, – не отставай, а то потеряешься, буду тебя потом искать по острову.

– Хорошо, – рассмеялся Скайли, – не буду отставать.

Обещанная экскурсия оказалась очень красивой. Тропинки, поросшие мягкой травой, красивые цветы, благоухающие тонкими и прекрасными ароматами. Водопады, утопающие в зелени и падающие в небольшие пруды, над которыми стояла радуга. Скайли снимал на фотоаппарат всю эту красоту, а Зандер открывал ему все новые красивые места. Они говорили обо всём, о жизни, работе, о том, как называется тот или иной цветок. Лев пару раз невзначай прижимался к Акулёнку, следя за его реакцией, и, к своей радости, не чувствовал сопротивления.

Скайли в своей повседневной жизни редко кого подпускал к себе, но тут, на острове его как будто подменили. Его манил Зандер, и не своей красотой, а чем-то большим, Скайли чувствовал, что может говорить с ним честно, не скрывая ничего и не боясь быть высмеянным. Разве что один раз за день Зандер назвал его Бетонным Дикарём, когда тот с озорным видом гонялся с камерой за ящерицей, пытаясь её сфотографировать.

К вечеру они вышли на пляж. Ноги болели от длительной прогулки, и Скайли уселся на песок. Зандер на несколько минут скрылся в зарослях и вернулся оттуда с охапкой сухих листьев и веток.

– Урр – кого будем жарить? – спросил Скайли.

– Тебя, – улыбнулся Зандер. – Если ты не поможешь мне с костром.

Скайли улыбнулся и начал помогать Акулёнку. Они развели костёр и, уставшие, улеглись рядом с ним, расстелив пляжный коврик.

– Он прекрасен, – думал про себя Скайли.

Зандер сидел у костра перед Львом, необыкновенно прекрасный и в чём-то загадочный, языки пламени отражались в его глазах, придавая оранжевый оттенок его серой коже. Создавалось впечатление, что огонь и есть его жизнь. Или это жемчужина? Этот прекрасный Акулёнок был сложен, как статуя греческого бога, за исключением одной детали … той, что была скрыта под накидкой этого удивительного создания и была явно больше, чем у тех статуй.

– Нравится вид? – улыбнувшись, спросил Акулёнок. – Судя по тому, что ты сидишь так уже несколько минут, – да.

Скайли от такого прямого вопроса растерялся, если бы мех мог краснеть от смущения, то Лев бы сейчас был не небесным, а, скорее, огненным, поскольку бы стал красным от ушей до кончика носа.

– Мяк, – всё, что смог произнести Скайли, и подумал, что со стороны, наверное, ведёт себя, как кошак-подросток перед лицом своего первого самца. – Д-да, очень, я никогда не встречал таких существ, как ты.

Акулёнок нахмурился и, приблизившись ко Льву, сказал:

– Существ? Странное обозначение.

Сделав вид, что обиделся, Акулёнок отвернулся и скрестил руки на груди.

– Дурак! – подумал про себя Лев, – снова всё испортил.

Он смотрел на спину Зандера и не знал, что ему делать. Подойти и обнять, а что если он не сможет сдержаться, а что если и не нужно сдерживаться? С этими мыслями

он приблизился к нему и обнял со спины. Возможно, ему показалось, но в этот момент Скайли услышал вздох облегчения и как подтверждение его слов Акулёнок повернул голову и прошептал Льву:

– Я так ждал твоих объятий.

– Прости, я порой веду себя странно и словами могу сказать совсем не то, что хотел. Я не хотел обидеть тебя, – прошептал Скайли.

Зандер повернулся ко Льву и, слегка подоткнув его, оперся на руки. В такой позе он замер над Скайли, их мордочки встретились, и Лев, ощущая горячее дыхание Акулёнка, не хотел больше сдерживаться. Он обхватил лапами мордочку Зандера и, придвинувшись к ней, поцеловал его в губы. Зандер не сопротивлялся, как того боялся Скайли, даже наоборот, он с напором ответил на этот поцелуй, обняв Льва...

Была глубокая ночь, и догорающий костёр играл искрящимися угольками. Под светом полной луны, ласкаемый волнами океана, Скайли лежал рядом с Зандером, они молча смотрели на звёзды. В тишине прошло минут пять.

– Что дальше? – спросил Лев.

– Для начала нам неплохо было бы искупаться, – сев на песок, ответил Зандер.

– Я не это имел в виду, – сказал Скайли, понимая, что завтра придётся улетать обратно, в свою прежнюю жизнь, из этого обретённого эдема.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, Скайли – но давай на этот миг забудем об этом – хорошо?

– Хорошо, – едва сдерживая слёзы, ответил Лев.

Поднявшись, они побежали навстречу волнам, охватывающих их своей силой и теплотой подобно страсти, что окутывает сердца. В этот вечер Лев и вправду не хотел думать ни о чём. Сейчас для него существовал только Акулёнок, и этот пляж с волнами, в которых они резвились, как дети. В этот вечер они уснули рядом на пляже, укрытые пляжным одеялом и согретые теплом своих тел.

Они проснулись на рассвете в объятиях друг друга. Раннее солнце окрасило чистое небо в розоватые оттенки рассвета. Чёрные угли давно погасшего костра были убраны, чтоб не мешать отдыхающим.

– Ну, чем займёмся? – потянувшись, спросил Зандер.

– Я хочу провести время до отлёта с тобой! – ответил Скайли. – Я не знаю, что будет потом…

– Будет то, что будет, – прислонив палец к губам Льва, ответил он. – Это твой отдых и тебе решать, как он закончится. Если ты хочешь, чтоб я был с тобой в эти часы, то я буду с тобой.

– Конечно, я хочу этого, – сказал Скайли, обняв и поцеловав Акулёнка.

– Вот и славненько, – сказал Зандер и добавил: – А теперь, если твоя синяя шёрстка не хочет стать жертвой голодной рыбы, то нам было бы неплохо подкрепиться, я знаю одно отличное местечко – пойдём?

– Да, а что за место?

– Небольшое семейное кафе – там очень вкусная кухня.

– Отлично, – ответил Скайли, слыша, как заурчал его живот, – только нужно будет зайти в отель: у меня всё в номере.

– Ничего не нужно, – ответил Зандер, – они мои хорошие друзья, – и, взяв его за лапу, повёл по дороге.

Прижавшись к нему, Лев шёл молча.

– Постой, но мы же в одних шортах, нужно переодеться, – спохватился Скайли.

– Лев, мы на тропическом острове, тут это в порядке вещей, – сказал Зандер и многозначительно добавил: – Они ещё и не такое видели!

– Что? – удивился Скайли, – и что же они такое видели?

– А, всё тебе расскажи, – засмеялся Зандер, потеребив ушко Скайли.

– Ага, и дай попробовать, – рассмеявшись, добавил Лев.

Оставшееся время до обеда они провели вдвоём, позавтракав, они направились на прогулку к водопаду под тёплыми струями которого целовались, прижавшись друг к другу.

За два часа до отлёта они стояли у дверей номера, в котором остановился Скайли. Зайдя вовнутрь, Акулёнок лёг на кровать. Взяв фотоаппарат Скайли, он начал разглядывать снимки, пока Лев принимал душ и собирался в дорогу.

Зайдя в комнату, Скайли застал Акулёнка, хмуро пролистывающего снимки на дисплее фотоаппарата.

– Что с тобой? – озадаченно спросил Скайли.

– Я листаю твои снимки, – пробурчал Зандер.

– И что, тебе не нравится, как я снимаю? – с ноткой обиды спросил Лев.

– Да нет, снимки у тебя отличные... Но...

– Но? – переспросил Скайли.

– Ни на одном из них нет меня! – с видом обиженного ребёнка сказал Зандер.

– О боже, это единственное, что тебя огорчило? – улыбнувшись, спросил Лев.

– Угу, – снова буркнул Зандер.

– Дурашка, – рассмеявшись, сказал Лев и, стянув с Акулёнка шорты, взял фотокамеру.

– Что ты делаешь? – прикрываясь, спросил Зандер.

– Исправляю свою ошибку, – облизнув его нос, сказал Скайли, – ну давай, покажи, на что ты способен.

– Ах ты, кошара извращенец, – рассмеявшись, Акулёнок бросил в него свои шорты, которые Лев резво словил зубами.

– Ты сам сказал, что хочешь снимков – теперь не отвертишься, – выпустив шорты, сказал Скайли.

– Ну ладно, смотри не пожалей сам, – игриво произнёс Зандер.

Акулёнок начал грациозно двигаться на кровати перед Скайли, пока тот делал снимки. Некоторые позы, грация и утончённость Зандера заставили Льва покраснеть...

– Ты проказник, – опустившись на кровать, сказал Лев.

– А ты – пушистая извращённая мордочка, – приблизившись к нему, прошептал Зандер.

– Твоя мордочка, – поцеловав его в губы, ответил Лев. – Мур, нужно собираться, да и кстати, это тебе – Скайли протянул Зандеру конверт.

– Что это? – спросил Зандер.

– Прочтёшь, когда я улечу, но только не раньше, хорошо?

– Хорошо – надеюсь это не прощальная записка? – спросил Зандер.

– Не говори так, мне и так тяжело… – со вздохом сказал Лев.

– Ну прости, я не хотел, всё в порядке? – Зандер обнял Льва.

– Да, не считая, что я улетаю от тебя … Разве тебе от этого не грустно? – едва сдерживая слёзы, спросил Скайли.

– Грустно, мой котёнок, но я не могу тебя заставить остаться. Хотя очень бы этого хотел.

Зандер прижал Скайли к себе. В душе у него текли слёзы, но он не хотел показывать этого, чтоб не расстраивать Льва в последние минуты их прекрасного отдыха.

Минуты молчания прервал телефонный звонок по внутренней линии связи отеля. Скайли взял трубку.

– Да? – произнёс Скайли.

– Сэр, Вы просили напомнить Вам о времени за полчаса до отбытия с отеля, – произнёс голос в трубке.

– Хорошо, спасибо, я уже спускаюсь, – ответил Скайли.

Лев посмотрел в глаза Акулёнка и прошептал:

– Мне пора…

– Я провожу тебя, ты не против?

– Конечно не против, – ответил Скайли.

Взяв сумку, они спустились вниз и, передав ключи от номера метрдотелю, вышли на улицу. До частного аэропорта, с которого вылетал рейс на материк, было 10 минут ходьбы. Но Скайли этот путь показался вечностью. Всю дорогу они провели молча, пока не дошли до площадки, служащей взлётной полосой, на которой уже стоял небольшой самолёт, пассажиры которого уже начали посадку на борт.

Перед посадкой Скайли начал что-то обеспокоенно искать в карманах одежды. Сменяя беспокойство паническими нотками.

– Ты не это ищешь? – спросил Зандер, вкладывая горячую жемчужину в лапу Льву. – Ты нашёл моё сердце, но, увы, тело моё привязано к этим скалам, храни эту жемчужину, и я всегда смогу прийти к тебе, как в тот вечер на рифах.

– Так это действительно был ты? – спросил Скайли. – Ты тогда спас меня?

– Да, – ответил Акулёнок. – И это было лучшее, что я сделал в своей жизни.

Скайли больше не мог сдерживать слёз. – Я вернусь, – сказал он, прижавшись к Зандеру. – Вернусь, я обещаю тебе!!!

Зандер запустил руки в гриву Льва и, притянув его к себе, поцеловал и сказал: – Я знаю, Скайли, знаю, вытри слёзы, ты же взрослый Лев – что подумают другие?

– Мне всё равно, я не хочу уезжать, я хочу быть здесь, рядом с тобой!

Акулёнок обнял его и сказал: – До нашей встречи я был лишь осколком этого мира, теперь я чувствую, что я целый мир, целый мир для тебя, и, где бы ни были наши сердца, мы будем вместе. Храни моё сердце

рядом с собой, и мы будем видеться чаще без границ и расстояний.

– Но как? – вытирая слёзы, спросил Скайли.

– Верь мне, Лёва, и ты сам увидишь, – ответил Зандер.

Садясь на рейс, Скайли не мог остановить слёз, и только обернувшись в конце, он увидел глаза любимого и ему стало легче. Он будет рядом с ним, он будет его видеть несмотря на расстояние, и теперь, держа в своей лапе жемчужину, он точно знал, как это будет.

Когда самолёт скрылся из виду, Зандер распечатал конверт, который дал ему Скайли.

В конверте лежал листок из его блокнота, на нём был текст:

Рука в руке, в единой страсти?
Хочу с тобою жизнь прожить,
И в горе и в моменты счастья,
Хочу с тобою рядом быть.
Ты мой хранитель и поклонник,
Я твой отныне навсегда.
Я в сеть любви тобою пойман
И мне не деться никуда.

Зандер, я не могу не думать о тебе и не смогу забрать тебя с собой, когда ты прочтёшь эти строки, я буду уже далеко. Прости, но я не мог сказать об этом лично, так как боялся получить отказ. Знаю, что глупо сообщать об этом так, но я полюбил тебя. Полюбил так, как не любил никогда. Возможно, ты проигнорируешь это письмо. Пусть даже и так. Но всё-таки если ты читаешь его, то я хочу попросить тебя только об одном. Сколько бы мне ни понадобилось времени на то, чтобы осуществить задуманное, прошу: дождись меня, и дай мне шанс быть с тобой, когда я вернусь.

Твой небесный лев, Скайли.

На лист упали слёзы.

– Скайли, – прошептал Зандер, дочитав, – я буду с тобой и буду ждать тебя, мой небесный Лев.

Вадим Одинцов

talpesul@yandex.ru

Темнота

В моём мире темно и пусто,
И почти ничего не хочется.
Только ждать, стиснув руки до хруста,
Ждать, когда же всё это кончится.
В тишине пролетают мысли
И тревожат воспоминания
О цветах, о любви и о смысле,
И о жизни ценой в испытание.
Не прошедшему – вечная мука,
Только всё это было не важно.
Жизнь настолько крутая штука!..
Пока молоды, все мы бесстрашны.
Просыпаюсь с мечтою вернуться
В то счастливое светлое время...
Только страх ещё раз поскользнуться
Опускает меня на колени.

Темнота – это мир для слабых,
Их защита от потрясения.
Да – покорно сложите лапы.
Нет – закройте двери к спасению.
А для тех, кто захочет уйти –
Мир большой, где потери и свет...
Я вернусь, чтоб кого-то спасти.
Лучший способ сгореть – свети!
Грохот двери, и страха нет.

Игра

Бессонное царство, холодная осень,
Едва ли плюс пять, моросит по карнизу,
А где-то качаются головы сосен
И в небе ночном – звёзды, сколько не видел
Ни в душном Крыму, ни тогда, в
Благодарном...
И вот темнота и молчанье созвездий.
Мы ночью под Тверью весёлым составом –
Два волка, рюкзак, пара гномов и нежить.
Палатка и спальник почти что на ощупь,
Игра впереди, будет много сюрпризов.
Мир Молота Войн изменяет наш облик.
Теперь мы бессмертные, дикие крысы!
Толпа игроков стала дружной командой,
Мы вместе творили извивы пещеры,
Коварные скавены, жители данжа –
Нар, Тэл и Рагнарька, Хикс, Коул и Фэро...
Парад под дождём на широкой поляне
И первая сшибка, и наглые люди,
А после – идём на ночное заданье,
Хотя и сказали: «Победы не будет».

Игра захватила всего на день с лишним,
Но те впечатленья останутся с нами:
Веселье важнее желания выжить
И звёзды, не скрытые за облаками.

Нерешительным

Быть может, уходит из этого Мира
Всё то, для чего не создали названий,
Что не воспевали гитара и лира,
О чём не сложили баллад и сказаний?

В сетях неизвестности гибнут поэты
Иные, бесплодно мучимые Музой,
А кто-то играет, но музыка эта
Не даст ничего – ни наград, ни конфуза.

– Я так, для себя! – заявляют тревожно,
Чуть кто-нибудь их над твореньем застанет.
– Творить для стола ведь, наверное, можно?
Ну да, стол такой – издеваться не станет!

Крылатые души, закрытые в банках –
Сокровища Мира, что тратят без цели.
Найдя в перелеске чудные останки,
Рискнёшь ли судьбой неизвестных доселе?

О том, что в себе от насмешки скрываешь,
Никто не узнает ни раньше, ни позже!
Не хочешь услышать: «Чудес не бывает»?
Тогда сотвори их. Пока ещё можно.

Вультур-Мартес

kyrapraxin@gmail.com

http://vultur-martes.furnation.ru/

Пальмовые куницы

(избранные главы Книги Куниц, пунктуация автора)

1

Местность – край цветов и гор,
(что в традиционной поэзии
пальмовых куниц соответствует
дому)

И красными стали кобры облаков над нашей горной долиной, а небеса Запада накрыли чёрные крылья ночи. Мы – пальмовые куницы; и наш род отличен от всех прочих тем, что я храню позолоченную тростинку. Это – та самая ручка для письма по пальмовым листьям, которой записывались все книги стихов Сандалов – тех поэтических собраний древности, что проводились десять тысяч дождей назад под сандаловыми деревьями в стране Кунари-калтан. Мы, пальмовые куницы, были изгнаны оттуда, когда землю начало поедать море; ныне мы живём в полночных горах, что стали нашим домом. Седой иней пал на звездолисты и кедры Богов, и холод идёт от земли и камней. Запел золотой фазан, и золотой дятел начал свою работу. Я взял в пасть ручку собраний Сандала и вынес её из дупла нашего Кедра Богов – и её остриё оставило изящную линию из морозных кристаллов прямо в воздухе. Я подождал – линия не исчезла. Тогда я написал в воздухе:

Там ни души, и только на заре
Лущат орехи белки во дворе.

(эти строки были написаны Сандаловым Собранием давным-давно).

И буквы льдистым сиянием застыли в воздухе, а после превратились в живых белок, что стали срывать с кустов и брать в лапки «черепашьи» орехи, а после шелушить скорлупки. Тогда я взял ручку и стал вести:

А под писаний куньих льдом
Откроется мой опустелый дом.

И строки расположились вокруг нашего дома-кедра как фундамент башни. Я обошёл вокруг кедра, взметая опавшие листья – ведь в горах наступила осень – средь трав, прозванных «малый колонок», похожих на маленького зверька с шубкой из цветов. Морозная дымка раскинулась над страною пальмовых куниц и покрыла камни стрельчатой гравировкой, блестят холодные стальные мечи трав. И я завершил строительство башни из слов, и так было положено начало возрождения страны пальмовых куниц Кунари-калтан.

2

Местность – край полей и равнин,
(что в традиционной поэзии
пальмовых куниц соответствует
охоте)

Иду по белым травам на чёрной земле и думаю: ныне я, должно быть, заморин – правитель заморской страны Кунари-калтан, раз уж я её восстановил. Пожухли мои флаги – листья на пиках куста-копьеносца, и бабочка-желтокрылка летит от меня сквозь алмазные ожерелья «Куста Красной Ветви». Жемчужины запутались в ветвях «ежероста», скрыта в тени сухая «Гроздь Жемчуга». И подумал я тайную мысль, и в морозном дыму из моего носа можно было прочесть половину её: нехорошо будет, если кто-то отберёт у нас снова страну. Я знал, как в древности на слонов ставили большие башни, но нет у пальмовых куниц слонов, и я достал рыбу-бога из-подо льда, используя вместо лесы морозную нить слов из

сандаловой ручки, а как наживку – священный звук «ОММ». И я построил башню из слов на рыбе-боге, а на себя из заклятий царской власти надел одеяния и чалму. Но лишь звери и боги могли видеть это, а охотник мог бы увидеть лишь дикого зверька в лесу, и ничего больше – они не видят наших городов и одеяний, считая нас простыми зверями на ветвях деревьев. И весь наш род встал на башне, и на рыбе-боге мы выехали на поле Мартан, дабы укрепить своё царство. И зазвучали песнями все слова, что укрепил я на рыбе-боге, а с моей сандаловой ручки срывались грозы, которые складывались в письмена – кто хочет царства Кунари-калтан, тот пусть выйдет к нашей башне на рыбе. И грозы – ледяные слова ударяли в землю, а золотые фазаны, гигантские белки и горные кроты разбегались в разные стороны, чтобы схорониться от моих слов. Вырванные листья книги лесов лежат меж травинками «алого рогалика», а на солнце они просвечивают как останки царских шатров, а в тени они – ларцы с приданым и дворцовая казна, с драгоценным инеем. Застыли под небом «бусы царицы», склонилась трава «слёзы мангуста». И кроме озябших трав – на поле никого. Тогда я подумал вторую тайную мысль, и половина её вышла дымкой из носа, и можно было прочесть: нам не только не с кем делить царство, может, нам не с кем даже поговорить?

3

Местность – край пустыни, (что в традиционной поэзии пальмовых куниц соответствует поиску)

Грива трав примёрзла к шее косогора, и лишь скорбные метёлки стояли прямо; старый гнилой пень стал сияющим малахитом или жадеитом. Кусты соломы цвета солнца возвышаются над ледяным царством; деревце проросло из маленькой буддийской ступы, пепел обмороженных листьев повис на травинках – «медных проволочках». Рассыпались во все стороны монеты «денежного дерева», покачиваются на ветру листья «флагов царей», и в глазах моих отразилось небо. И из моей сандаловой ручки стали выходить имена богов, чтобы спустились они.

Брахма, ты, с гусиной телегой! Варуна, Великая черепаха! Вишну, о Утка Гаруда! Кали, госпожа душителей, тигрица смерти! Индра, о волшебный белый слон! Кама, озорной попугай! Каумари, роскошный павлин! Кубера, прекрасный мангуст! Шукра, крокодил Реки!

Но они не пришли.

И тогда я написал в воздухе: Манджарадж[1], царь котов!

Я ждал посреди пустыни, но ничто не изменилось, лишь с трав-саблиц осыпались инеистые кристаллы, как семена с одуванчиков полночной страны, и скальным монастырём стал срубленный пень. Полегли травы, и белые ветки царь-дерева над ними на недосягаемой вышине.

И хорьки облаков образовали алый терем кошачьего короля, и на миг я узрел Манджараджа, и с облаков упал свиток, составленный из инеистых букв, я прочёл его, а больше никто не может прочесть. Огонь моего сердца стал серебром, а кровь моих глаз – льдом и небом. Далеко-далеко по течению плывёт утиный флот, они подплывают к тёплому роднику, растопившему ледяной панцирь, и плещутся. Горячий пар поднимается от того места, и поток шевелит кедровые иглы и листья на дне, расплавляя в своих волнах Солнце.

4

Местность – край жасмина и лесов, (что в традиционной поэзии пальмовых куниц соответствует встрече)

После прочтения свитка из застывшего ветра и морозных письмён я подумал ещё тайную мысль, и из моих клыков вышел пар, чьё сияние на солнце сложилось в слова: я всё делал не так. Снова я выловил рыбу-бога на звук ОММ, снова построил башню из слов на её спине. На этот раз я направил

1. Манджарадж – от малайаламского Манджара Раджа – Кошачий Царь. О царстве Кошачьего Короля можно прочитать в АРФИ за 2011 и 2012 года

рыбу в край жасмина и лесов. Туман змеится меж стылыми травяными когтями; подала голос куропатка. Вышел на охоту красный волк и идёт меж ветвей – стрел, луков и копий Владыки Мира, что нынче покрыл всё в своем дворце бриллиантами. Висят белые плоды «грибояблока», меж чёрных «вороновых перьев» повсюду – самородки серебра и не огранённые алмазы, в которых стынет древесный сок. Удивлённо озираются по сторонам черепашки, вот-вот улетят листья «деревьев-бабочек». Что-то клюют куропатки и фазаны, кричит павлин. И я, царь-заморин Кунари-калтана, одарил всех, сидя на башне своей рыбы: гигантским белкам я дал орехи из знакомой нам строчки «и только на заре лущат орехи белки во дворе», фазанам дал семена из строк «… лотосоокая, она насыпала всем курицам зерна». К горным кротам в кротовины поползли черви, рождённые из поэмы «Путешествие под землёй», красному волку были дадены колбасы из поэмы «Дворец Раджи». И я ждал, наверное, что все они пойдут за мной за море в Кунари-калтан, чтобы наш род пальмовых куниц правил ими. Но нет: все они съели стихотворные угощения и растворились меж чёрно-белых ветвей замёрзшего леса, ведь побелели даже лианы и орхидеи, что висят от дерева к дереву. Словно северная клюква, шишка-трава укрыта белым покровом, благоухает кардамон и шафран, белеют высокие стволы «слоновьих бивней». Травы-трезубцы победителями стали над полёгшим инеем.

Я стоял посреди леса на башне из слов, и мороз закрался под шерсть кое-где, а на усах и шерстинках мерцали на солнце хрусталики снежинок. И я понял тайную думу, половину которой можно разуметь и так: борешься ли ты с ними или одариваешь их, все эти лесные зверьки останутся всё теми же и не изменятся.

5

Местность – край приморья и лилий, (что в традиционной поэзии пальмовых куниц соответствует отдыху)

Под лёд спрятались водолюбки в озерце, примёрзли к призрачному панцирю верхними листьями; сухи сабли кровавых трав, как трёхглазые матери гор. Снежный краб пытается отряхнуть лёд с клешней, а малый пруд накрыло сияющим щитом, на шрамы и царапины носорожьей кожи льда посыпались листья. Я ждал, что там, за кромкой морского льда, будет Кунари-Калтан, как был он тогда, когда уходили оттуда мои предки. Но нет – за льдами было лишь сияющее солнцем Южное море. Я пошёл по облакам, вмёрзшим в лёд, по звёздному пути на его поверхности, а под моими лапами, внизу – были листья. Я дошёл до края – а дальше только море. Континент, которым я правлю, потонул! И я вспомнил старую поэму:

Матери вод живут там, где пруды, где золотые шелка лучей ласкают кувшинки под тонким стеклянным льдом, украшенным зёрнами снежинок. Где проваливаются на льду утки-кряквы и барахтаются средь кувшинок и пластинок холода, где слышны кряквы, огари, фазаны и перепела, и циветты отдыхают под «золотыми серьгами» у прудов.

Браслеты Матери Синей Кошки – проломы во льду, она мяукает нам через утку-крякву, «золотые серьги» над циветтами – на её ушах. Тонкий лёд – её платье, щуки – пояса, река – её хвост, и мех её – иней на травах на берегу, а перья уток – шляпа.

Мать Синяя Кошка живёт у ключей, ключами-источниками открывает жизнь, где горы отражаются во льду, где леса инеисты.

Рядом, возле льда, был как раз такой ключ, и я ощутил присутствие Божества, и написал сандаловой ручкой в воздухе: Манджарадж. На что я надеялся тогда? На то, что Кошачий Король воздвигнет страну Пальмовых куниц из моря? На то, что хоть кто-то осмелится заговорить со мной? Или же – на всеобщее счастье?

Благодарим всех авторов, которые отправили работы в этом году!
Связаться с авторами, упомянутыми в журнале,
можно по приведённым ниже адресам:

Алиса Джахари	<jahary007@gmail.com>
Al1ve AKA Steve-O	<st3ve-o@rambler.ru>
Ана-Люсия Кортес	<ryoga_aka_pi-chan@mail.ru>
AnsticeWolf AKA ToddWolf	<lugaru_91@mail.ru>
Bagir	<bagirgm@gmail.com>
Cert	<igor.xian@gmail.com>
Focco	<skype: focco_per_se>
Кельт	<zebra555@mail.ru>
Kitsune	<digimonworld.ru>
LUS	<lus-eva@yandex.ru>
Мантс	<den.prozherin@yandex.ru>
Noct	<startiger1@ya.ru>
SilvergriN	<silver973@yandex.ru>
StormWind	<stormcanine@yandex.ru>
Широ Окойо	<r-g-1997@mail.ru>
Куджо	<kydjoghost@gmail.com>
Скайли	<kaizer131@ya.ru>
Вультур-Мартес	<kyrapraxin@gmail.com>
Мора Лирран	<evangelinas@mail.ru>
Or1s	<or1s@nya-journal.ru>
Pillgrim Wolf	<remy.garou@gmail.com>
Саурон	<saurrian@rambler.ru>
Сэголь	<hatulashelkira@yandex.ru>
Селкер	<SelkerAri@gmail.com>

Редакция **АРФИ** <arfi@artfurry.ru>

Обложка: **Алиса Джахари**

Внутренняя обложка: **AnsticeWolf — Let's Skate**

авторство других рисунков указано в оглавлении

Главный редактор: **StormWind**

Помощники редактора: **Lozi Cheetah, Imanika, Найчит**

Диск MRFF: **Lozi Cheetah**

Вёрстка, дизайн: **Imanika, StormWind**

Корректор: **Ambidexter**

Печать: **АРФИ**

К печатному изданию АРФИ прилагается CD-диск MRFF с музыкальными произведениями Furry-авторов и дополнительными материалами, которые не поместились в печатную версию журнала.

Встретимся на Русфурренции 2015!

Создатели альманаха и музыкального приложения выражают благодарность всем авторам, которые присылают свои художественные и литературные работы, статьи и музыкальные произведения для нашего проекта.

Если вы заинтересованы в участии, просим вас связаться с Редакцией журнала.

Ждём ваших писем!

Сайты, входящие в содружество:

АРФИ
http://arfi.artfurry.ru
<arfi@artfurry.ru>

MRFF
http://mrff.ru
<lozi_cheetah@mail.ru>

FURNATION.RU
http://www.furnation.ru

Музыкальный раздел by Lozi <lozi_cheetah@mail.ru>
Редакция АРФИ <arfi@artfurry.ru>

Выражаем признательность всей пушистой
общественности за участие и посильную помощь.
До скорых встреч и спасибо за внимание!

Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех жанров и направлений! Присылайте свои работы.

Russian Furry Publishers 2014–2015
АРФИ 2014
52 стр.
Тираж: экз.